

ВИТАЛИЙ КУЛИК

РОКОВОЕ
СЧАСТЬЕ

Виталий Кулик
Роковое счастье

«Автор»

2024

Кулик В. Е.

Роковое счастье / В. Е. Кулик — «Автор», 2024

Конец XIX – начало XX века. Глухой уголок белорусского Полесья. Юную деревенскую девушку Олесю бог одаривает красотой и смышлённостью. Но быть красивой не значит быть счастливой. Недолгое принудительное замужество со старым мельником, обман, безнадёжная любовь – беды и грехи липнут как смола. Оказавшись в городе, Олеся с ужасом замечает, что в моменты опасности с ней происходят невероятные преобразования, наделяющие её звериными способностями! И вскоре она убивает... Можно ли красавице взнудать судьбу, запрыгнуть ей на спину и, словно коня на скаку, развернуть к лучшей доле? Можно! Вот только чтоб не эта проклятая беременность от старого мельника, оказавшегося... волколаком!

© Кулик В. Е., 2024

© Автор, 2024

Виталий Кулик

Роковое счастье

Глава 1

Супруги Сакульские заметно нервничали у себя дома. Особенно злилась женщина – представительница прекрасной половины человечества.

Резкие и грубоватые черты лица делали эту «прекрасную» представительницу, мягко говоря, далеко не прекрасной и на вид заметно прибавляли лет. Многих её более привлекательных ровесниц иногда ещё можно было принять за девиц, а эту тридцатилетнюю женщину язык так и чесался назвать бабой. Ну, что есть, то есть, вся в отца пошла – из внешности забрала всё самое грубое. Не повезло! Тут уж чем бог обделил, того не купишь и не украдёшь. Зато за хитростью при божьей делёжке эта женщина наверняка влезла без очереди поперёд многих.

– Совсем сдурел старый. Сколько времени молчал и вдруг нате вам – наследника подавай... – раздражённо ворчала она. – Это ж ударила прихоть в голову: не будет внука – не будет и наследства. Вот дуралей старый!

– Ну так взяла бы да и родила, – вяло огрызнулся холёный мужчина с появившейся проседью на висках.

– Мне что, по кабакам ходить да просить, чтоб за вас кто-нибудь постарался?!

– Хамка, – беззлобно промолвил мужчина. – За пять лет можно было кучу детей нарожать. Но тебе, видимо, и этого не дано.

Женщина нервно фыркнула, но язык прикусила.

Мужчина некоторое время сидел в крайней озабоченности, ворочая в голове неподъёмные мысли, а затем мрачно промолвил:

– Это будет величайшей глупостью, если он и в самом деле пожертвует всё церкви и приютам...

– Для нас – да, глупость. А он думает, что таким поступком прикупит себе место в раю.

– Вот я и говорю: чертовски глупо. Место можно на погосте прикупить, а не в раю. Да и не молчал он о наследниках... Ещё перед свадьбой я услышал два его условия. И это было первым и главным. Потом намекал иногда...

– Мне он ни разу не говорил о каких-то условиях.

– Ты – дочь, с тобой и без условий всё ясно.

Ворчливо забулькала вода в самоваре. Открыв краник, женщина задумчиво ждала, когда наполнится чашка. Налив чаю, она поставила чашку перед собой, но потом, поразмыслив, как будто нехотя подала её мужчине.

В отличие от женщины, его выправка, манеры и весьма привлекательные благородные черты лица говорили о явно знатном происхождении. Однако опытный взгляд отметил бы, что эта породистость, похоже, не спасала своего обладателя от финансовых затруднений.

– Пора бы и служку завести, – поставив чашку, тихо сказала женщина.

Эти слова мужчина пропустил мимо ушей. Сейчас было не до того.

– Нет... он не должен так поступить, – мрачно, как будто самому себе, повторял мужчина.

– Вы, Лёшенька, ещё не знаете моего отца, – тихо ответила женщина. – Федьку-то он без всяких колебаний лишил наследства, хотя... и поделом ему.

– Я сколько раз просил тебя, не называть меня Лёшенькой, – прошипел мужчина. – Я не чета тебе, да и вообще всей вашей торгашеской семье. Я – потомственный шляхтич.

Женщина иронично взглянула на мужчину и с ухмылкой согласилась.

– Ну да, конечно. Шляхтич... без гроша за душой.

Хотя едкое замечание и укололо самолюбие мужчины, но промолчал он. Лишь желваки напряглись и в отведённом в сторону взгляде глаза недобро прищурились. «Сколько можно терпеть эти напоминания?! Может, зря я с ними связался?» – подумал мужчина, и воспоминания назойливо застучали в дверь памяти. А память, отворив эту дверь, с охотой выхватывала события прошедших лет и бесцеремонно тащила их в голову...

Да, Лех Сакульский был потомственным шляхтичем, лет десять назад унаследовавшим хороший маёнток и небольшой винокуренный завод. Но, будучи молодым и неопытным хозяином, он довольно скоро привёл всё в упадок. Немалую роль в этом сыграла его страсть к картам и женщинам, а вот насчёт выпивки, то тут Лешеку надо отдать должное, потому как меру он знал всегда. Как и следовало ожидать, шляхтич Сакульский вскоре остался без винокуренного завода, а ещё через некоторое время и маёнток с землями ушёл с молотка.

К тридцати годам Лешек Сакульский, кроме шляхетского титула, огромного долга и заносчивого высокомерия, почти ничего не имел. Вот тогда-то во вставшей дилемме – возвращение долгов или тюрьма – удача подбросила ему спасительную соломинку, и он ухватился за неё, выбрав подвернувшийся третий вариант: женитьбу на весьма некрасивой дочке небедного торговца. Избранница потеряла было уже всякую надежду на замужество: мало того что красоты была не первой, так и давно вышла из тех лет, когда сваты у ворот околачиваются.

Но всё вышло далеко не так, как рассчитывал Сакульский. После пышной свадьбы часть долгов, о малой доле которых вскоре узнала новоявленная жена Ядвига Наумовна, он втайне от тестя всё же погасил. Однако своенравный и оборотистый тесть Наум Авдеевич, быстро догадался о планах и возможностях зятя и затеял свою игру. Он всю жизнь мечтал о благородном сословии хотя бы для внуков, однако, когда цель, казалось, была достигнута, Наум Авдеевич открыто дал понять зятю, что вовсе не собирается его содержать, будь тот хоть даже королевских кровей. Шляхтичу Сакульскому бесцеремонно было указано искать службу или какое-либо занятие, чтобы содержать семью.

Это было вторым условием тестя.

Куда пойти или чем заняться, Лешек понятия не имел. И не только понятия, но и никаких способностей, знаний или навыков для этого он тоже не имел.

Сакульский был в некоторой растерянности – совсем другого он ожидал от своего брака по расчёту.

Прагматичный и весьма прозорливый тесть умышленно предоставил напыщенному шляхецкому отпрыску испробовать горечь реальной жизни и самому поискать хотя бы незначительное место под солнцем. Изрядно помыкавшись и натерпевшись унижений, Сакульский вскоре начал намекать тестю о трудности найти достойное место.

«Да уж конечно! – подумал тогда Наум Авдеевич. – Где это видано, чтоб достойное место просто так пустовало, и его можно было любому занять!» Он «сокрушённо» соглашался с зятем и вынуждал того ещё лучше познать почём фунт лиха. Тёртый калач, он отлично понимал, что такая наука была просто необходима гонористому белоручке. Ради этого он даже потратил незначительную сумму, чтобы его зятю везде давали от ворот поворот.

В конце концов тесть, как и задумано было им изначально, предложил Сакульскому попробовать себя в торговле и, если у него будет получаться, стать компаньоном. Деваться было некуда. Сакульский, дотоле считавший торговлю недостойным для себя занятием, колебался недолго и скрепя сердце дал согласие. Согласие-то дал, но для себя зарубочку в памяти сделал. В общении с Наумом Авдеевичем Лешек Сакульский решил держать ухо востро, потому как успел наслышаться о нём немало противоречивых толков, особенно о смерти его жены.

Марковский Наум Авдеевич всю свою жизнь посвятил делу торговли. Это у него получалось, это было его жилкой. Начинать он когда-то с самой мелочи и был почти коробейником. Обладая немалым честолюбием вкупе с примесью еврейской крови в жилах, мелкий торговец вскоре покупал и перепродавал уже более дорогие товары и не поштучно. Конечно, не всегда

всё выходило гладко и прибыльно, но каждая сделка, приносившая хоть какой-то доход, придавала Науму Авдеевичу уверенности. А ещё через несколько лет молодой и энергичный, он уже мотался по всей губернии, заключая договоры и контракты на весьма солидные суммы.

Несмотря на неприятные черты лица, он считался завидным женихом. Но молодой торговец был настолько поглощён коммерцией, что на девиц внимания почти не обращал. Немалую роль в этом, конечно же, играли и переживания из-за своей неприглядной внешности.

Как бы то ни было, а после одной из поездок в доме Наума Авдеевича появилась довольно привлекательная девица, у которой на пальце вскоре засверкало обручальное кольцо с бриллиантом. Кто эта девица и какого она роду-племени, никто не знал.

Близкие Наума Авдеевича вскоре начали подозревать, что в его отсутствие таинственная красавица отнюдь не блещет благопристойностью. На это сообщение Наум Авдеевич грубо всем указал не совать нос не в своё дело. Видимо, он лучше знал супругу, а может быть, в браке была даже какая-то договорённость.

Года через два у них появился первенец. Вот тут-то новоиспечённому папаше было не до восторга: у них, у голубоглазых родителей, родился кареглазый Федька! Наум Авдеевич в душе переживал сильно, но виду не показывал и только стал пореже отлучаться из дому. Это несколько отразилось на торговле, зато ещё через два года в семье появилась дочь Ядвига. С одной стороны, Наум Авдеевич был рад, что дочка похожа на него, а с другой – он отлично понимал, что юность её и молодость будут купаться в слезах по уже известной причине. Но это будет потом, а пока Наум Авдеевич места себе не находил из-за уменьшения доходов.

Не выдержав, он вскоре снова начал колесить по всей Гомельской губернии. И снова до успешного торговца начали доходить слухи о непристойном поведении супруги. На сей раз Наум Авдеевич не стал отмахиваться от болезненного наущничества и устроил благоверной хорошую трепку, после которой та вся в побоях долгое время не могла прийти в себя.

Наум Авдеевич немало тогда испугался, но испугался не столько за красавицу жену, сколько за свой необдуманный поступок, который мог привести его на скамью подсудимых. Он уже сильно сожалел и о том, что влюбился в продажную девку и, поддавшись страсти, забрал её из дома терпимости.

«С этим надо что-то делать... Но опрометчивости тут не место...» – подумал тогда Наум Авдеевич, и эта мысль уже не давала ему покоя.

Возвратившись однажды из поездки, Наум Авдеевич застал жену в тяжёлом состоянии. Домашние и прислуга все в один голос уверяли, что ещё вчера она была весела и здорова. Вызванный доктор ничем помочь не смог, и вскоре молодая жена Наума Авдеевича отдала богу душу. Наум Авдеевич погоревал малость для виду, но про себя ещё раз убедился: с деньгами и сметливостью возможно невозможное!

Никто и подумать не мог, что Наум Авдеевич тайно воротился на день раньше...

Годы шли. Дети выросли. Наум Авдеевич уже с гордостью называл себя негоциантом, хотя до этого ему было ещё далековато. Занимался он закупкой у панов и помещиков льна, сена, леса, скота и прочей сельхозпродукции. За многие годы Наум Авдеевич обзавёлся нужными связями, наладил и расширил сбыт товара. Денег хватало, но ещё одна сокровенная мечта, кроме дворянского сословия, не давала ему покоя: не хотел Наум Авдеевич быть одним из нескольких сотен успешных торговцев – в десятку крупных купцов мечтал войти! В гильдии жаждал состоять! Но где ж ты в одиночку-то пробьёшься на такую высоту?!

На сына Федьку надежда была, да синим пламенем и порскнула: получив в руки деньги, Федька враз превратился в пьяницу и вора. Ни уговоры, ни угрозы не произвели должного результата. Поведение Федьки окончательно подтвердило давнишние подозрения Наума Авдеевича: не его это сын! Голым соколом Федька вмиг вылетел в белый свет, а точнее, – на улицу.

Как-то раз уже взрослая Ядвига намекнула отцу, что может помочь ему в торговле, но Наум Авдеевич, придерживаясь каких-то своих убеждений, дал ясно понять, что крупная торговля не женское дело.

Вскоре, выдав наконец Ядвигу замуж, Наум Авдеевич приобщил к делу зятя. В отличие от Федыки, Лешек Сакульский с поручениями справлялся довольно сносно, а со временем даже и сам частенько что-то предпринимал. Но прошло пять лет, и Наум Авдеевич понял: нет в зяте коммерческой жилки, а посему и торговое дело на более широкую ногу им не развернуть.

Заметно сдав и постарев за последние годы, торговец всё чаще задумывался, ради чего он всю жизнь надрылся, для кого и для чего стяжал богатство? Ведь на тот свет с собой ничего не прихватишь, карманы не набьёшь. Не деньги и даже не золото там в цене! Непорочность души – вот богатство, с которым не страшно предстать перед судом Божиим!

А тут, как назло, жена-покойница стала сниться, а следом и чувство раскаяния о содеянном грехе смертном всё чаще скребло душу Науму Авдеевичу. Непонятная тоска и тревога засели в голове старика. С наследством пришла пора определиться. Опасался он оставлять торговлю и нажитое добро зятю, этому высокомерному щеголю – всё промотает.

Вот и решил Наум Авдеевич поторопить его и дочку с рождением ребёнка. Будет внук – появится интерес задержаться на этом свете. Не родится дитё у дочки – впору бы и о спасении своей души грешной позаботиться! Тут уж Наум Авдеевич скупиться не будет – всё пойдёт на пожертвования. Душа-то как-никак своя, а на небеса или хотя бы поближе к ним ох как хочется!

Наум Авдеевич был твёрдо уверен, что ТАМ каждому уготован свой шесток, и место всем будет отмериваться строго по заслугам земным! Вот он и помышлял щедрыми пожертвованиями прикупить шесток повыше.

Ну а пока Наум Авдеевич всё же надеялся дождаться внука. Или внучку – тоже отрада для сердца старика.

Желание Наума Авдеевича, высказанное в форме ультиматума, изрядно встревожило чету Сакульских. Оба втайне понимали, что Ядвига вряд ли уже затяжелеет, а смириться с потерей наследства – это всё равно что накинуть на шею ярмо нищеты. Вот они сейчас и ломали голову, как быть? После нескольких бессонных ночей Ядвига, наконец, спросила супруга:

– В Мазырский уезд вам когда нужно ехать?

– В конце месяца предстоит поездка. Всё никак не уgomонится твой папаша. Уже не только в Мазыры, но и на Петриковщине да в Коленковичах подавай ему заготовителей, – ворчливо ответил Сакульский.

– Вот и ладно, – загадочно произнесла Ядвига.

– Что ж тут ладного? Ты бы лучше подумала, как наследство не упустить.

– Так я ж об этом и думаю. И чем дальше будет поездка, тем лучше. Но сначала всё же попробуем провернуть это дельце здесь, на месте.

Лешек Сакульский несколько мгновений подозрительно смотрел на супругу, а затем осторожно проронил:

– Я так понимаю... ты уже что-то задумала?

– Да. И если тут, в городе, у нас ничего не выгорит, то в следующую поездку я еду с вами.

Сакульский оторопело уставился на Ядвигу и некоторое время пытался понять, не шутит ли она. Такого он не ожидал, да и ни в коей мере не хотел. В коммерческих поездках он в некоторой степени чувствовал себя вольной птицей и был не прочь поразвлечься с барышнями, а то и просто заблудить с какой-нибудь дородной деревенской молодкой или девкой. И вот, похоже, даже эта отдушина может перекрыться.

«Что за дурь ей ударила в голову?» – раздражённо подумал Сакульский и недовольно буркнул:

– Вот ещё вздумала. Даже и слушать об этом не хочу.

Ядвига вдруг резко подалась к Сакульскому.

– А вы, Лёшенька, послушайте, – тихо прошепела она. – Уж вам-то, гулёне, задумка моя должна как раз по душе прийтись.

Сакульский невольно поёжился не столько от ненавистного ему «Лёшеньки», сколько от того, что Ядвига открыто намекнула о его похождениях.

«Черт, эту шельму не проведёшь!» – про себя в сердцах чертыхнулся он и приготовился к неприятному разговору. Но, как ни странно, Ядвига заговорила совершенно о другом.

– Я много думала и теперь знаю, что нам нужно делать, – она не просто заглянула Лешку в глаза, а ковырнула взглядом в самую его душу. – Хотя для меня это будет в некоторой мере тяжело, но ради наследства я уж потерплю... И вот что я придумала...

Выслушав Ядвигу, Сакульский внутренне содрогнулся. Он вдруг ясно осознал, что ему надо опасаться не столько старика с его хитростью, сколько вот эту женщину – свою жену с её коварством! Выходит, за пять лет он совершенно не узнал, на что она способна. А судя по её задумке, в вероломстве Ядвига легко переплюнула папашу. И хотя благородное воображение Сакульского до такого никогда бы не додумалось, но с планом супруги, вернее, с первой частью этого плана, он согласился охотно. А дальше...

А дальше – дай бог дров не наломать!

Глава 2

Базарная площадь бурлила людским потоком.

Всюду слышались голоса неистового торга, громкого разговора, смеха, язвительной перебранки, а зачастую округу оглашал душераздирающий визг какой-нибудь бабы, поучаемой уму-разуму пьяным мужиком. Весь этот гам сдобривался перепуганным кудахтаньем, тревожным ржанием, тоскливым мычанием, бляением и прочими протестами живого товара.

Ноздри щекотал аппетитный аромат пекущегося хлеба.

Терпя частые ненамеренные толчки, грубую речь и едкий мужицкий дух из смеси запахов пота, махорки и дёгтя, неместная чета степенно прохаживалась у торговых рядов. Судя по внешнему виду, пара была «из богатых», а светские манеры и надменность мужчины красноречиво говорили – важный чин.

Супруги уже в третий раз проходили рядом с задумчивой красивой девушкой, сиротливо пристроившейся с нехитрым товаром на самом краю базарной площади. Мужчина и женщина скрытно разглядывали необычную торговку.

Олеся ничего этого не видела и не слышала. Она не замечала не только откровенно заинтересованных взглядов богатой пары, но даже пылающие взоры, часто бросаемые в её сторону хлопцами и молодыми мужиками, также оставались незамеченными.

Помимо воли обращая внимание на задумчивую девушку, у многих проскакивала мысль, что такой красавице вовсе не место на бедненьком волостном торжище.

Оставшись без батки, без мельницы, да ещё и в интересном положении, Олеся оказалась на обочине жизни. Братья никудышные. Чёрствая мать наобум хваталась то за одну работу в селище, то за другую, но всё без толку – домашнее хозяйство вконец извелось. В семье не тянули, а рвали «одеяло» каждый на себя. В конце концов, нужда заставила и несостоявшуюся хозяйку мельницы подумать о себе.

В крестьянских семьях дочерей не особо чтили, и Олеся, видя, что обнищания не избежать, твёрдо заявила о своей доле, или хотя бы о выделении ей причитающегося каждой девушке приданого. Поюлив, братья и мамаша отдали ей, как они бесстыже уверяли, едва ли не самое дорогое, что имелось в общем хозяйстве: пяток полуобщищенных куриц, да десятка три яиц.

Обиду Олеся проглотила молча.

С рассветом она уже ехала на попутной телеге в сторону местечкового базара. Куры ей были без надобности, а вот кой-какие гроши пригодятся. Уж кому-кому, а беременной девушке, как никому другому, просто необходимо хоть что-то приберечь на будущее.

И вот уже почти полдень, а её товаром так никто и не поинтересовался – поглядывали больше на саму торговку. Надежда на хоть какие-то вырученные гроши таяла с каждой минутой. Да и Олесе было не до торговли...

Она сидела в отрешённой неподвижности, во взгляде – пустота. Мысли витали в плену тяжёлых раздумий, вырваться из которых им не давали воспоминания о недавних событиях. Как такое могло случиться? Кто во всём виноват? У красавицы тут же наворачивались готовые ответы в угоду совести, но в душе-то она понимала, что обманывать себя не стоит! Почти во всём была её вина, её просчёт! Осознание этого ещё глубже затягивало Олесю в омут горьких воспоминаний...

Да, она, первая красавица деревни, была влюблена в бедняка Ефимку Асташова, но коварная судьба уготовала ей особый «сюрприз»: её отдали за старого мельника, одного из самых богатых хозяев в округе. И всё бы ничего, Олеся лишь несколько дней и пробыла замужем, да и мельник в те дни относился к ней более чем душевно – с безысходной тоской да со слезами смирения жить всё же можно было. Вот только со странностями оказался её старый муж. Да ещё с какими! Вскоре после женитьбы он вдруг пропал невесть куда, а потом вышло, что вроде как и в живых его уже нет – нашли лишь останки.

Тогда возле Берёзовки, в проклятом урочище Волчий мох, бесчинствовала какая-то нечисть – люди жили в страхе. Вот старый мельник, похоже, и стал её жертвой, хотя полицейские о какой-то там нечисти и слушать не хотели.

Олеся тогда не особо убивалась из-за страшной участи супруга и с подсказа матери быстро смекнула, какая ей выгода со всего этого сулит. Она с трепетным волнением уже начала представлять себя в ипостаси самой богатой в округе юной вдовы. А тут и молодой паныч Зибор подкатился, наобещал ей всего с короб вплоть до женитьбы, да и подбил в смерти мельника обвинить Ефимку Асташова, её возлюбленного.

Вышла перед этим у паныча стычка с Ефимкой, в результате которой случайно погибла юная паненка Гражина. Это уж потом выяснилось, что паныч насильничать пытался Гражинку, а Ефимка вступился. Но тогда мерзавец так всё вывернул, что именно Ефимку винили в смерти паненки. Ну а раз паненку загубил, то уж мельника и подавно мог порешить из-за девки. Паныч уверял Олесю, что, скорее всего, так оно и было.

Недолго колебалась Олеся, оболгала бедняка-возлюбленного! Важной пани за Зибором вознамерилась стать! И всё у неё тогда шло гладко! Подкупленные панычем полицейские охотно приняли её версию. Мало того, так и некоторые другие таинственные преступления начали приписывать Ефимке.

Да, всё шло как по маслу, и Олеся втайне уже мечтала в большом городе с панычем жить, но...

«Господи! Как я могла такое сотворить?!» – ужаснулась она и, тяжело вздохнув, невесело огляделась. Возвращение из мрачных воспоминаний в полную безнадёгу настоящего не прибавило ей бодрости.

Девушка уныло посмотрела на свой товар: яйца в кошёлке да связанные бечёвкой взъерошенные куры, которые, устав вырываться и сбившись в кучку, лишь тревожно вертели головами. На их куриное счастье, они были всем без надобности, а для самой Олеси так и вовсе выходили срамной обузой. Стыдилась красавица сидеть тут на людях да, краснея с неприличиями, уговаривать, чтоб кто-нибудь купил её тощих куриц.

На выручку ей снова пришла память и, вырвав сознание из базарной срамности, опять бросила мысли Олеси в омут событий месячной давности. Но и тут не повезло! Из огня да в полымя получилось! Память унесла Олесю в самое чёрное время недавних происшествий...

Горе ударило Олесю неожиданно: коварная нечисть в Волчьем мху жестоко расправилась с её батшкой. Так совпало, что это случилось именно в то время, когда перед судом по неизвестной причине Ефимку отпустили на день домой. Но не домой, а к ней, к зазнобе своей спешил парубок! Объяснить хотел, что не виноват он ни в чём! Всё надеялся, что его возлюбленная просто ошибается. Вот только возлюбленная его в доме мельника уже с панычем Зибором тогда миловалась, на порог Ефимку не пустила. Грубо выставила хлопца, причинив обиду крепкую.

Вспоминая те мгновения, Олеся в горечи раскаяния закрывала лицо руками. Она жалела о содеянном, и ей было нестерпимо стыдно – стыдно за ложь, за коварство и... за предательство. Сердце девушки кровью обливалось, и она с трудом сдерживалась, чтобы прямо тут, на людях, не разрыдаться горькими слезами. Душа её грешная каялась! Сейчас каялась, а тогда...

А тогда ушёл униженный хлопец, и вскоре чёрная весть о гибели батшки вырвала Олесю из объятий паныча. Ну как тут не поверить в причастность Ефимки и к этому злодейству?!

И снова Зибор убедил Олесю оговорить Ефимку и в этом преступлении, мол, ему теперь без разницы: семь бед – один ответ. Да вот только «ответ» этот уже и без того на виселицу тянул!

И снова Олеся лжесвидетельствовала, опять оговаривала Ефимку! Твердила, что в день гибели батшки она случайно заметила, как Ефимка у реки смывал кровь с себя и рычал словно зверь. И так складно врала, что порой даже сама начинала верить в слова свои. Конечно, ей и тогда было стыдно, временами и вовсе сквозь землю готова была провалиться. А уж совесть как роптала! Вот только у кого совесть чиста, у того судьба трудна! И Олеся, плюнув на совесть, решительно шла к цели отнюдь не праведным путём. Да, она тогда думала только о себе! А такой грех, как клевета – невелика поруха для неё, переживёт. И пережила бы! Но совершенно неожиданно всё рухнуло во время суда...

Когда все готовы были услышать страшный для Ефимки приговор, в суде неожиданно появился проверяющий чин из Петербурга, да ещё с какими-то бумагами по делу Ефимки. И всё пошло не так! Подкупленные Зибором судебные чиновники тряслись от страха. А дальше – хуже. Из бумаг, предоставленных петербургским чином, и вовсе выяснилось, что паныч Зибор был отъявленным аферистом и казнокрадом. А тут и паненка Гражина, к всеобщему изумлению, оказалась жива и тоже появилась в суде. Она и рассказала о подлости паныча – его арестовали прямо в зале суда. Ефимку же вместо препровождения на виселицу отпустили на все четыре стороны.

Это был крах всех надежд Олеси! Она думала, что горше быть уже не может! Красавица-иуда и представить себе не могла, что это были пока лишь цветочки. А впереди её ждали завязь и ягодки – завязь жизни выйдет самая настоящая, а ягодки будут горче полыни горькой... Но только испробует красавица их не по порядку: сначала от ягодок её повергнет в шок, а потом уж завязь заставит слезами умыться.

Сперва на ягодное угощение оказалось, что бывший муж Олеси, старый мельник, был не кем-нибудь, а самым что ни на есть настоящим волколаком. И не умер он поначалу, а почему-то прятался в проклятом урочище. В Волчьем мху он и встретил всех по дороге из суда. Перепуганным людям сразу стало ясно, что в первую очередь жаждал волколак свидеться со своею юной красавицей женой и ведь наверняка не для любовных объятий...

Кто-то погиб тогда, а Олесю и остальных спасли Ефимка и пришлый цыган-знахарь. Вдвоём они исхитрились одолеть оборотня. Цыган, однако, жизнью заплатил за такой исход.

От воспоминаний о тех событиях у Олеси сейчас волосы дыбились на голове. Другой бы и пальцем не пошевелил, чтоб спасти такую, как она, а Ефимка не посмотрел, что предала, жизнью рискнул ради...

«Нет, – оборвала мысль Олеся. – Там и другие были. Он и их спасал. Да и вообще...»

В который уж раз девушка снова вздохнула и, не сопротивляясь мрачным думам, снова поплыла по мутному течению воспоминаний...

После непоправимых бед и неудач Олеся тогда смирилась с мыслью, что, на худой конец, и владелицей мельницы быть неплохо. А главное, она точно знала, что Ефимка придёт проситься к ней на работу, и она его, конечно, возьмёт, ибо до этого он уже работал тут и знал все тонкости мельничного ремесла.

И пришёл её бывший ухажёр! С просьбой пришёл, да только, сама не зная почему, отказала она высокомерно ему в первый раз, унижить надумала хлопца, прежде чем взять его как последнего батрака. Для начала всю досаду и злобу замыслила выместить на нём, а там видно будет... Всё-таки сердце её всё ещё трепетало при взгляде в его небесные глаза...

«Боже, что на меня тогда нашло?! Почему я так поступала?! – думала сейчас Олеся и, не находя ответов, нещадно корила себя. – Да-а, знатно, дура,хватила через край...»

Недолго она тогда пыталась справиться со свалившимся на неё довольно небедным по деревенским меркам хозяйством. Вскоре приехали чиновники из управы с приставом и мельницу забрали. Оказалось, что нигде никаких записей о её замужестве нет. Мало того, так её даже из дома мельника выпроводили. А самое худшее – всё хозяйство мельника кто-то выкупил для Ефимки! Всё «её добро» оказалось у него! Вот это судьба расщедрилась на ягодки! От такого ядовито-горького угощения юная красавица просто возненавидела Ефимку! И даже не так – она его ненавидела и... похоже, любила. Впрочем, эти чувства слишком часто ходят рядом.

Витая в горьких воспоминаниях, Олеся уже с трудом сдерживала рыдания.

Да-а, сейчас она сдерживалась, а тогда слёз было пролито немало. Она-то тогда думала, что вот он, предел её страданий! Теперь уж точно хуже некуда! Ан нет, лукавая судьба была совершенно иного мнения. Да и горе с бедой поймали кураж – подавай им компанию побольше. Притянули к себе ещё одну компаньонку – ту, которая втиснулась между цветочками и ягодками...

Завязь! Самая настоящая! В начале осени – аккурат недели три назад – Олеся с содроганием поняла, что беременна! Эта догадка обернулась для неё настоящим кошмаром наяву, тем более что тут же не то с перепугу, не то по какому-то наитию она вдруг и умом, и нутром догадалась, от кого понесла.

Эх, если бы от паныча!

Мысли о том, какое чудовище она может родить от мельника-волколака, поначалу ввергли её в ужас, но со временем эти мысли обзлённой на весь свет красавицы резко сменили направление. Олеся вдруг подумала, что это, возможно, будет её шанс со многими поквитаться за свои слёзы и несбывшиеся мечты.

Воспалённое воображение в розовых тонах рисовало девушке ожидавшее её будущее: «Ты вырастишь матёрого оборотня, чтобы потом лишь тайно указывать на тех, кто причинил тебе страдания! Ты обретёшь невиданную власть!»

В то время для Олеси это стало единственным утешением, не давшим ей сломиться.

Но прошло несколько дней, и первое потрясение от осознания случившегося немного улеглось. На смену злобе и отчаянию вдруг пришло какое-то вымотанное безразличие. Временами даже были моменты, когда Олеся и вовсе уже сомневалась в своей беременности. Вот только с каждым днём таких моментов становилось всё меньше и меньше...

Зато, более спокойно всё осмыслив и сопоставив, Олеся вдруг начала полниться уверенностью в том, что виновником её горького положения всё же был паныч Зибор – проходимец и обманщик. И мало-помалу девушка окончательно уверилась в этом. «И надо ж было придумать такое сгоряча!» – удивлялась она своей «дурости» по поводу зачатия от мельника-оборотня. Да уж, тут было от чего перепугаться. Пусть уж лучше проходимец и обманщик...

Как бы то ни было, а первая красавица Берёзовки была сейчас в крайне незавидном положении: вроде как замужем побывала, почти нищая, а главное, ещё и брюхатая непонятно от

кого. Хотя насчёт последнего, то тут уже вроде как понятно, и Олеся каждый день сожалела, что когда-то доверилась не голосу сердца, а негодяю Зибору.

Проскользнул порыв шалого ветра, дыхнул сыростью в лицо девушке. Отвлеклась Олеся от мрачных дум, огляделась вокруг. Базар жил своей жизнью, и ему не было никакого дела до непродávющихся куриц и горе-торгашей. Девушке ничего не оставалось, как снова задуматься о своей доле.

Несколько дней назад водоворот мрачных мыслей вдруг вытолкнул на поверхность судьбоносную для Олеси идею, которая занозой засела в её сознании. Девушка с каждым днём всё больше убеждалась в её верности – она жила теперь жгучим желанием покинуть Берёзовку! Ведь к началу зимы беременность уже не скроешь. Поди всем соври, что от мужа понесла – камнями закидают, чтоб снова в округе не объявилось чудище. Правду сказать, что от паныча нагуляла – тоже хрен редьки не слаще! Не хотела она слышать злорадные насмешки в спину! А ведь шёпот сплетен слышит каждый, крик души – почти никто. Олеся страшно не хотела, чтоб вместе с насмешками её жгли и косые недружелюбные взгляды односельчан!

Но самое главное, она всей душой, всем сердцем желала начать новую жизнь – благочестиво, без греха! Во всяком случае, она будет стремиться к этому. Горького опыта ей пришлось хлебнуть с лихвой! Всего лишь за несколько месяцев судьба ей такую науку преподавала, что иным и за всю жизнь такого не перепадет!

Но с чего начать, как и куда податься – этого девушка пока не знала, и это было ещё одной горькой каплей в её переполненную отчаяньем душу.

От безысходности Олеся до хруста сжала кулачки. «Господи, ну почему вдруг столько лиха на меня свалилось?!» – в который уж раз она мысленно взывала к Богу. А в ответ всё то же самое – тишина...

Никто не знает, слышит ли Бог наши к нему мольбы и вопросы, но, вполне возможно, что ему тоже очень хочется встречно спросить людей: «А чего ж вы вспоминаете обо Мне только тогда, когда беда уже за руку вас схватила?» Вот спросит Бог так, и в ответ будет почти то же самое – тишина! Ибо многим из нас в оправдание и сказать-то нечего...

Мысли Олеси от безысходности всё чаще и чаще выделяли из памяти бабушку с её пророческими словами...

Ещё в раннем детстве, слыша восхищения взрослых, маленькая Олеся уже тогда догадывалась, что она какая-то особенная. Ничего толком в то время не осознавая, девчушка часто играла с бабушкой и дразнила её: «Я класивая, а ты сталая!» На что «сталая» сокрушённо качала головой и всегда грустно отвечала, что уж лучше бы тебе, внучка, родиться счастливой, а не красивой.

Четырёх-пятилетняя Олесюшка тогда не понимала смысла этих слов и часто ревела, думая, что бабушка нарочно не признаёт её «класоту». Однако именно эти слова бабушки о красоте и счастье почему-то накрепко врезались в память внучки.

«Какая же я тогда глупенькая была! И счастливая...» – горестно думала Олеся, в глубине души понимая, что все её теперешние беды – это расплата за грехи. А красота?.. Выходит, красота – дар подчас роковой.

Однако, как бы девушка ни была занята своим горем, она вдруг почувствовала, что рядом кто-то стоит.

– Ну и што ты, красуня, вздыхаешь?! – слащаво раздалось над самой её головой.

Вздрыгнула Олеся, полностью очнувшись от мрачных дум и испуганно подняла глаза – подбоченясь, рядом с ней вальяжно стоял неказистый переросток, из кожи лезший вон, чтоб выглядеть бравым молодцом.

– Бачу, торг не шибко идёт. Так я ж того... могу подсобить! – неумело пыжась высокопарностью, произнёс он. – Што пригожуня хочет за своих... хм... чудо-птиц?

Насмешливая ухмылка змеилась на лице шалолая, и было ясно как божий день, что до курей ему никакого дела нет.

– Не мои это куры... Попросили приглядеть, – в смятении сказала Олеся первое, что пришло на ум.

Не особо видный собою хлопец был явно не из зажиточной семьи – обыкновенный оболтус. Но вот девушку разглядывал нагло, бессовестно, прямо-таки ощупывал глазами. Это Олесю больше всего и смутило.

– Ну канешне не твои... – ухмыльнулся хлопец и хитро зыркнул на дружков. Те игриво переглядывались в сторонке и подмигивали друг другу в предвкушении скорого представления.

Олесе вдруг невольно пришло на ум, что жеманство стоящего перед ней хлопца больно уж напоминало лицемерные манеры паныча, который подло её обманывал, и она сразу насто-рожилась: надменная улыбочка переростка ничего хорошего не предвещала.

– Я вот, может, хочу всех твоих кур купить, – наигранно важно произнёс хлопец. – Тебе будет в радость всех их сразу продать, а мне... Думаю, мне будет забавно с тобой поторговаться, – с намёком ухмыльнулся наглец, и на глазах его заблестела вожаденная поволока.

Олеся уже пришла в себя и была готова к подобным словесным выпадам.

– Если б думал, не нёс бы околёсицу, – резко ответила она, – а сказал бы прямо, что позубоскалить с дружками захотелось.

– Разумная, што ли? – сразу набычился хлопец. – Дак, можа, поделишься своими разумными думками?

Олеся недобро ухмыльнулась.

– Отчего ж не поделиться. Кривдой я уже по горло сыта, наглоталась... так что мне сейчас больше правда по душе. То, что покупать ты ничего не собираешься, – это сразу видно: на лбу у тебя отмечено, что в одном кармане твоём ни шиша, а в другом – дырка. Так что шёл бы ты отсюда да торговку попроще поискал – может, с кем и сторгуешься.

Хлопец явно не ожидал такого отпора и несколько растерялся. Он непроизвольно прикоснулся ко лбу, словно проверяя, есть ли на самом деле там какая-нибудь отметина. Опомнившись, отдернул руку и злобно сверкнул глазами. Отступать на виду у дружков было зазорно, и он решил, не особо церемонясь, проучить строптивую девку.

Не привлекая постороннего внимания, он как бы по-дружески приобнял её и вдруг сильно сжал пальцами девичью шею сзади чуть ниже затылка. Олеся скривилась от боли и попробовала было вырваться, но хватка оказалась на удивление крепкой.

– А ты, оказывается, яще и языкастая, – склонившись над девушкой, процедил хлопец. – Дак я тебе сейчас покажу, як разгова... – речь его вдруг оборвалась на полуслове.

Изящная трость легонько похлопывала сзади по плечу наглеца. Он распрямился и резко обернулся – перед ним стояла важная супружеская пара. Мужчина выглядел особенно солидно и уверенно.

– Ответь-ка мне, милейший, – произнёс он, строго глядя на хлопца, – сколько тебе нужно отсидки в остроге, чтобы слегка поубавилось твоё хамство? Месяц? Три? Год?

Хлопец ошарашенно таращил глаза на неждешнего господина, внешний вид которого просто кричал, что это высокий чин. Самоуверенность нахала быстро сменилась испугом.

Некрасивая женщина презрительно ухмыльнулась и обратилась к спутнику:

– На сколько прикажете исправнику, на столько и заточит этого хама в тюрьму.

Сакульский глянул на супругу, одобряюще кивнул и мимолётно отметил: «Вот баба, схватывает всё на лету!». Никакого исправника они и знать не знали, просто на ходу умело разыграли сцену, чтобы сбить спесь с наглеца.

Хлопец же всё принял за чистую монету. Желания встретиться с полицией у него почему-то не возникло – там не поторгуешься. Решив не испытывать судьбу и отбросив показную удаль, он с места прытко рванул в гущу народа вслед за исчезнувшими друзьями.

Сакульский криво хмыкнул ему вслед и перевёл взгляд на Олесю. Оценивающе осмотрел девушку с близи и мирно произнёс:

– Что не испугалась хама – похвально. А вот торгуешь ты... из рук вон плохо. – Сакульский глянул на притихших куриц. – Хотя... с таким-то товаром не особо и торг будет.

– Я первый раз тут... – виновато произнесла Олеся и, опомнившись, добавила: – А за заступничество спасибочко.

Ядвига приблизилась к девушке, заглянула в глаза, осмотрела с головы до ног, словно вещь собираясь прикупить. Взяв Олесю за плечо, легонько повернула её боком и, отклонившись, снова скользнула взглядом по её ладной фигуре.

Не смея противиться и ничего не понимая, Олеся лишь недоуменно хлопала глазами.

Женщина вопросительно посмотрела на супруга. В её глазах читалось явное удовлетворение.

Собрав в кулак всю свою выдержку, Сакульский лишь едва заметно склонил голову в знак одобрения. А в душе – в душе его просто распирало: «Вот это юница! Вот это прелестница!»

Обтрёпанная одежда не могла скрыть от опытного мужского взгляда пленительное очарование этой девушки. Сакульского особенно почему-то тронули растеряннo-печальные глаза торговли и её по-девичьи наивная пухлость губ.

Открыто разглядывая местную красавицу, мужчина с трудом скрывал свой восторг! «Да-а уж, та невзрачная городская деваха ни в какое сравнение не идёт с этой провинциальной чаровницей», – восторженно подумал он, с содроганием вспомнив о предыдущей кандидатке, от которой едва уговорил Ядвигу отказаться. И ведь дело-то уже тогда зашло довольно далеко. Несмотря на молодость, деваха та оказалась замужем и была весьма плодovитой, поэтому без особого упирательства согласилась родить ещё и для барина. Разумеется, более чем за достойное вознаграждение. Сакульский был уверен, что такое решение приняла мать молодки, с которой Ядвига вела переговоры.

«Но, слава тебе господи, что всё тогда обошлось», – мысленно перекрестился моложавый мужчина и ещё раз незаметно кивнул супруге.

Легко состроив на лице маску с простодушной улыбкой, Ядвига обратилась к девушке:

– Я так понимаю, ты из какой-то деревни?

– Из Берёзовки... – быстро кивнула Олеся. – Вы, наверное, слышали...

– Нет, о такой деревеньке мы не слышали, – перебила девушку Ядвига. – А сколько лет-то тебе будет?

– Да уж семнадцать...

Вместе с кивком Ядвиги на губах выскользнула и барственная ухмылка. Скрывая довольство, женщина снова спросила:

– Ну а дома, с родителями тебе как живётся? Семья большая у вас?

Олесе было стыдно рассказывать о своей непутёвой семье, и её смекалка быстро нашла выход.

– Сирота я...

С горькой миной на лице женщина сочувственно покачала головой, да вот только глаза её уже просто искрились радостью. Всё складывалось как нельзя лучше! Задав Олесе ещё несколько вопросов, Ядвига перешла к главному.

– А ты не хотела бы жить в городе? – спросила она девушку.

Растерявшись от забрезжившей удачи и боясь её спугнуть, Олеся лишь растеряннo пожалала плечами.

– Я никого там не знаю... Да и жить ведь где-то надо... – неуверенно промямлила она.

Да, Олеся поняла, что она чем-то приглянулась этой паре и, похоже, ей вот-вот могут предложить место в богатом доме. Она готова была идти хоть в прачки, хоть в посудомойки, хоть куда, лишь бы не упустить шанс начать новую жизнь!

«Господи, помоги мне!» – воззвала она к богу, и радостное волнение рванулось наружу, но внутренний голос тут же предупредил, что перед богачами лучше предстать тихой и застенчивой девицей. А то, что не испугалась хулиганов – это ещё ни о чём не говорит: с жаху-перепугу и заяц может на волка прыгнуть!

– Если хочешь... мы можем помочь тебе... и с работой, и с жильём, – вкрадчиво предложила Ядвига.

Ага, «если хочешь!» Да Олеся сейчас больше всего на свете этого хотела! От радости она чуть было не всплеснула в ладоши, но вовремя сдержалась и с трепетным волнением снова лишь пожала плечами:

– Ну... я не знаю...

Олеся бросила на господина испуганный взгляд. Она привыкла к укладу жизни, где решающее слово всегда остаётся за главой семьи. Мужчина хоть и выглядел чинно, но перечить женщине не пытался, и Олеся поняла, что в этой семейной паре, похоже, главенствует супруга.

– А тут и знать нечего, – приняв застенчивость девушки за согласие, Ядвига даже приобняла её. – Нам сейчас как раз горничная нужна. Приоденем тебя, подучим – будешь девицей на загляденье! Да что девицей – барышней! Городской! – назидательно подняв пальчик, добавила Ядвига.

Это был шанс! Да ещё какой! Жизнь изменится к лучшему! Олеся вспыхнула благоговейной благодарностью к женщине и уже готова была без оглядки шагнуть за ней в новый и неизвестный для неё мир. Некрасивое лицо богатой незнакомки теперь не казалось девушке таким отталкивающим.

– Я так полагаю, тебе нужно некоторое время, чтобы собраться... – женщина кивнула в сторону тревожно притихших кур, – завершить кое-какие дела, да и мало ли что ещё...

– А когда надо идти... ехать? – взволнованно поинтересовалась Олеся, страшно боясь, что незнакомка может передумать.

– Мы собрались сегодня уезжать, но, полагаю, можем ещё на денёк задержаться... – Ядвига посмотрела на небо. – Ветер что-то разгулялся, как бы непогоды не нагнал. Вот и переждём до утра. Ты к которому времени можешь завтра подойти сюда?

– К обедне. Я успею к обедне, – живо выпалила Олеся, даже не подумав, что к этому времени она вряд ли успеет.

– Вот и хорошо. Возле церкви мы будем тебя ждать. Завтра нам предстоит дальняя дорога – постарайся не опаздывать.

Женщина вдруг задумалась, снова глянула на куриц и, неожиданно достав из сумочки деньги, протянула Олесе.

– На вот. Это тебе на скорейшие сборы и за твой товар. Отдай-ка этих несчастных куриц кому-нибудь... просто так.

Олеся держала в руках синюю пятирублёвую купюру, трепетно уставившись на изображённые на ней узоры и буквы. Она, конечно же, видела такие деньги не раз, но вот держать в руках «синицу» ей довелось впервые. Также она лишь приблизительно представляла истинное достоинство этой бумажки. Но одно Олеся знала точно: её невзрачные куры вместе с яйцами и корзиной в придачу и близко не стоят таких денег.

– Так может, вам куры надобны? – совсем растерявшись, спросила Олеся.

Мужчина и его спутница не сдержались и прямодушно заулыбались. Их явно тронула неподкупная простота девушки.

Незнакомка бодро, почти весело произнесла:

– Нет, нам это ни к чему. А то пока домой доедем, так из яиц родятся... ой, пардон, – женщина рассмеялась и изящно махнула рукой, – вылупятся цыплята.

Слово «родятся» вдруг обрушилось на Олесю ушатом холодной воды! Она внутренне вздрогнула и в страхе оцепенела! Только теперь Олеся подумала о том, что беременна, а такую никто служанкой не возьмёт!

Сдавлив душу мёртвой хваткой, эта мысль держала девушку в ступоре до тех пор, пока, наконец, не выдавила из неё воспоминание о старухе Хомчихе.

Глава 3

Впервые о необычных способностях и тайном ремесле старухи Хомчихи Олеся услышала несколько месяцев назад. Но главное, узнала об этом не в родных местах, а в городе, почти за сотню вёрст отсюда! И вот теперь вместе с воспоминанием об этой старухе в памяти красавицы всплыли и другие наставления и советы, по случаю данные ей компанией... распутных девок.

Словно за спасительную соломинку, Олеся вцепилась за один из этих советов. И почему ей раньше не пришло это в голову?! Хотя чего уж тут себя корить: всё равно без грошей этот совет-соломинка несбыточный. Но теперь-то у Олеси есть чем расплатиться! Хороший дали ей совет!

Было это около трёх месяцев назад...

Плетя против бедняка Ефимки Асташова оговор, паныч Зибор вынужден был ездить в город по разным инстанциям. В одну из поездок ему пришлось взять и Олесю – как-никак обвинения основывались на её показаниях. В городе они остановились, как уверял паныч, у его хороших знакомых.

Зайдя в большой и довольно небедный дом, Олеся тогда была сильно шокирована представшей перед её глазами картиной! Девицы в вызывающих нарядах, какие-то хлыщи со слащавыми улыбками и странной поволокой на глазах, дым сигарет, вино в бокалах на длинных и тонюсеньких ножках, большие зеркала и многое другое – всё это просто резало глаза совсем молоденькой девушке из глубинки. Не к смеху будь сказано, но Олеся тогда вдруг испугалась... хрупких бокалов! Её сразу же ударила страшная мысль, что если ей, не приведи господь, дадут эту негодящую чарку, то она неизбежно лопнет в её руках, привыкших к грубой деревенской посуде. Но всё обошлось, а вот то, что вольно ведущие себя девицы оказались теми самыми «хорошими знакомыми» её Зибора – это для Олеси оказалось весьма неприятной новостью.

На следующий день Зибор отлучился по делам – Олеся осталась в доме. К этому времени она уже хоть и познакомилась с девицами, но всё равно чувствовала себя довольно скованно. В непринуждённых чисто женских беседах она большей частью только слушала. Вот тогда-то Олеся и узнала много чего такого, что в обычных разговорах обсуждать не только было не принято, но и считалось весьма непристойным.

Глупая, она даже и не подозревала, что по просьбе Зибора всё это говорилось специально для неё... как для начинающей!

Узнав, откуда гостя родом, старшая среди девиц заметно оживилась и рассказала об Олесиней землячке бабке Хомчихе, к которой даже из губернии иногда тайно приезжают женщины, оказавшиеся в интересном положении. Но знают об этой старухе лишь немногие, ибо свои способности та не афиширует. Услышала Олеся и сколько это стоит. Деревенская красавица снова была шокирована! Оказывается, убить человека, хотя и в самом зародыше, стоит довольно дорого...

Ни тогда, ни сейчас Олеся не думала, что за такой грех придётся платить дважды – на земле и там, наверху, где и будет взиматься главная плата! Вот только на суде Божьем ещё никому не удалось откупиться деньгами!

И ещё Олеся запомнилось, как она тогда внутренне возмутилась от таких советов! Нет, ей это не понадобится! Она не такая! Да вот, гляди ж ты, жизнь прижала – и очень даже понадобилось!

Что ж, теперь остаётся немедля к этой таинственной бабке!

Олеся прекрасно знала, в какой стороне нужный ей хутор на отшибе, где жила Хомчиха, но вот побывать там хотя бы вблизи не доводилось. Слухи ходили разные, но толком никто ничего не знал ни об обитателях хутора, ни о самой старухе.

Времени совершенно не было, поэтому Олеся во второй половине дня, спешно сорвавшись с базара, сразу ринулась к ворожее Хомчихе. Благо хутор стоял почти на пути домой, лишь чуть в сторонке.

Свернув с тракта, девушка оказалась на обычной для Полесья просёлочной дороге – вездесущая грязь, частые крюки вокруг непроходимых топей, гати в болотистых низинах да вплотную подступающие заросли. Идти надо было вёрсты четыре, а по такой дороге – это немало. Нужно спешить, тем более что и непогода, судя по измывающемуся над облаками ветру, может совсем разыгаться.

Но как бы Олеся ни торопилась, в одном месте она вдруг поневоле замедлила шаг и залюбовалась высокой красавицей берёзой, стоявшей в гордом и в то же время печальном одиночестве на взгорке. Бросая восхищённые взоры на это чудо Полесья, путница, однако, надолго сбавлять шаг не стала, не до этого. Да и под ноги надо постоянно поглядывать: зазеваешься – враз по пояс в тине барахтаться будешь.

А погода всё больше начинала портиться.

Олеся спешила. Как назло, встречный ветер разыграл сильнее. Небо вдруг закрылось полугом туч, нахмурилось. Потемнело всё вокруг. Как и опасалась Олеся, ветер-буян всё-таки выискал где-то и пригнал грозовую тучу с нависшим над землёй огромным чёрным брюхом словно на сносях. Было понятно: небо вот-вот разродится хоть и коротким, но неистовым ливнем. От такого ни одно дерево не укроет!

Олеся ускорила шаг. Успеть бы!

И вот под напором уже прямо-таки взбесившегося ветра угрожающе начал роптать лес, затрещали сучья.

Лихостью разыгравшаяся стихия гнула деревья, заставляя их под гнётом своей силы низко кланяться, но не тут-то было – стену леса не так-то просто согнуть! И вдруг сзади раздался громopodobный треск!

Душа Олеси сиганула в пятки! Ноги едва не подкосились. Крестьясь, девушка в ужасе оглянулась и увидела жуткую картину: ствол совсем недавно стройной и высокой берёзы почти в обхват в комле был сломан как былинка, голова-крона брошена на землю к ногам. Эх, кудрявая! Не захотела низко кланяться ветру-душителю – голову и потеряла! Куда ж тебе, непорочная, в одиночку-то силами мериться со стихией грозной?! Если уж стоять против бури, то только всем лесом вместе – ветка к ветке, ствол к стволу! А так...

Всё прискорбно.

Олеся не смогла долго смотреть на печальную картину – у неё свой путь, надо идти! Напуганная и расстроенная, она на ходу решительно развернулась и внезапно наткнулась на ветку сосны – хвоя болезненно кольнула в глаза. От неожиданности и боли путница едва сдержалась, чтоб не разрыдаться.

Слёзы в глазах, отчаяние в душе, боль в теле! Почему?! За что?!

На немые крики души небо вдруг с треском вспоролось яростной вспышкой молнии и оглушительным громом. Быстро вошедшая в раж гроза уже ревела и стонала, в упоении наслаждаясь своей неукротимой мощью.

Вздрогнула Олеся! Не успела перевести дух от испуга, как её тут же обожгла суеверная мысль: «О, Боже милостивый! Это ты возбранишь содеять мне страшный грех!»

От такого озарения Олеся застыла в полной растерянности, не замечая остервенелого ливня, косо и нещадно начавшего сечь всё вокруг. Крупные капли дождя били по лицу и, смешиваясь со слезами, солоноватыми ручейками скатывались вниз.

Сколько времени так простояла Олеся, потрясённая пугающим озарением, она не знала. Но, в конце концов, красавица вдруг мысленно взбунтовалась и решила, что сама будет строить своё счастье!

Да! Вот сейчас вскочит брыкливой судьбине на спину и завернёт её, словно норовистого коня, куда ей надо, и устремится к лучшей доле!

Пока в голове Олеси яро бились мысли за жизнь и за смерть человеческого зародыша, ливень уже «кровью» истёк; ветер-басурман и тот выдохся. А тут и небо вроде бы начало проясняться – солнце в каждую щёлочку меж облаков нос свой лучистый норовило просунуть да поскорее разглядеть, что там, на земле, сотворилось, пока оставалась она без присмотра. Вот только непросто сразу найти прореху в облачном пологе, непонятно кем и какую силой сотканном!

На земле прошла обыкновенная летняя гроза с молниями, громом и с порывами ветра – ничего удивительного и необычного! Однако падкие на суеверия полешуки в каждом природном явлении произвольно выискивали какие-то указующие для себя знаки. Вот и Олеся сначала посчитала разыгравшуюся непогоду недовольством небесных сил, а как только ливень закончился и погода наладилась, тут же увидела в этом уже добрый знак свыше. А если так, то выходит, она сделала правильный выбор!

Да, она сама хозяйка своей судьбе!

Отбросив последние сомнения, Олеся решительно пошла дальше. К хутору!

По дороге она на всякий случай всё же просила у бога прощения и за свой замысел, и за то, что ослушалась вразумляющего знака свыше, ежели таковой, конечно, был. Девица и представить себе не могла, что это вовсе не бог бесновался из-за греховного намерения будущей матери – совсем другая сила не хотела допустить прерывание беременности...

Подходя к хутору, Олеся ожидала увидеть угрюмое жилище ведьмы, что уж точно холодило бы душу страхом и навевало бы мысли о связи Хомчихи с тёмными силами, подтверждая её необычные способности. Но вид заурядного хуторского селения, да ещё и задорный галдёж играющей у луж детворы несколько сбил девушку с толку. Она остановилась и огляделась, не ошиблась ли с местожительством старухи.

Увидев Олесю, трое разновозрастных детей трёх-десяти лет притихли и, застыв, с интересом уставились на незнакомку. Казалось, даже мирно гоготавшие неподалёку гуси были удивлены и, тоже замолчав и вытянув шеи, опасно выжидали, стоит ли поднимать гвалт.

Словно из-под земли перед Олесей вырос совершенно болезненный с виду мужик с взлохмаченной гривой, да и с такой же бородой – судя по всему, батька ребятишек. Казалось, из его волос и щетины вот-вот начнут выпадать свалявшиеся клоки. Тухнувшим взглядом, явно из последних сил цепляющимся за жизнь, на промокшую гостью смотрели печальные глаза. Вид глубоко впавших глазниц просто кричал, что они уже обращены в другой мир...

«Не жилец...» – первое, что сразу пришло на ум Олесе.

Мужик долго и подозрительно приглядывался к девушке в довольно простенькой одежке, и у Олеси тут же самопроизвольно сложилось впечатление, что таких, как она, неимущих гостей здесь не жалуют.

Мужик наконец тихо спросил:

– С пути сбилась... али как?

Прикинув в уме, что сказать, девушка решила, что терять ей нечего – действовать нужно решительно.

– Али как, – твёрдо ответила она. – Мне к бабке Хомчихе надобно. Она тут живёт?

Бросив настороженный взгляд мимо Олеси, мужик повёл глазами по местности. Не обнаружив ничего подозрительного, он ещё раз рассмотрел гостью, не забыв при этом украдкой скользнуть взглядом по её животу.

– Срок маленький. Гроши есть, – упредив всякие расспросы, снова открыто рубанула Олеся. Ходить вокруг да около не было ни времени, ни желания.

– Хм, – удивлённо хмыкнул мужик. – И кто ж это тебя такую бойкую направил сюда... напрасно?

От последнего слова глаза Олеси распахнулись в испуге, лицо помертвело. Имена тех девиц, что «поучали её жизни», Олеся уже давным-давно позабыла за ненадобностью. Да и к чему это теперь, если всё напрасно?!

– Я... это... как же теперь... – начала было нескладно говорить Олеся, но мужик, подняв руку, остановил её.

Неподдельный испуг гостыи не ускользнул от его внимания, и он убедился окончательно: утица не подсадная.

– Ладно... постой тут, – сказал он, и у Олеси мороз по коже пошёл от его взгляда – то ли презрительного, то ли просто осуждающего.

Мужик нетвёрдой походкой потянулся к хате.

Прошло совсем немного времени, и Олеся уже смущённо мялась в обыкновенной крестьянской хате перед обыкновенной деревенской старухой. Хлопотавшая у печи молодлица по кивку старухи молча выскользнула на двор.

Сама не понимая почему, но перед мужиком сорому у Олеси совершенно не было, а вот тут что-то нашло, даже краска ударила в лицо.

Старуха долго и пронизательно ощупывала взглядом клиентку, изучала.

– Пригожая... – наконец с неуловимым сожалением обозвалась она. – Табе б щастя трохи замест етай красы... Ну, ничога. Можа, перерастеш.

Олеся даже поёжилась от слов Хомчихи. В последнее время она слишком уж часто слышала похожие слова о красоте и счастье.

А старуха вздохнула и спокойно проскрипела:

– Знала, што буде сённи работа... Ну, сказывай, што тябе сюды привело?

– Что и остальных, бабушка, – смущённо пожала плечами Олеся.

– Не кажи за других, за сябе отвечай. Для хворей всяких – молода яще, – довольно строго произнесла Хомчиха и тут же ещё строже спросила: – Што, нагуляла?

Олеся даже несколько растерялась от такой прямоты, а старуха, приняв это за признание, беззлобно заворчала:

– О-хо-хо, молодые да дурные: венчанье под плотом, а свадьба потом.

– Я замужем, бабушка... была. Мужик помер, а с дитём одна я не выдюжу, – голос Олеси звучал искренне, ибо как ни крути, а выходит, говорила почти правду.

– Хай буде так, – вздохнула Хомчиха. – А тыпер, голубка, вспомни, хто табе пра мяне рассказав?

Не вдаваясь в подробности, Олеся сбивчиво рассказала о разговоре с развратными девками, правда, имён так и не припомнила.

– Сороки, – беззлобно буркнула старуха и уже по делу спросила: – Сколько нядель?

Олеся неуверенно пожала плечами.

– От Спасу... кажись.

– Ну-ну, – с сарказмом покачала головой Хомчиха и, подойдя к стене с рядами висящих на ней высушенных трав в пучках, стала выбирать и снимать некоторые из них.

– И яки ж ета табе Спас так на душу ловка лёг: Медовы або Яблычны?

– Яблочный... наверно, – чуть слышно ответила девушка.

– Вот то-то и яно: «наверно», – брюзжала старуха. – Приходят и сами не знают: што, кали да от кого, а мне тут потом думай, як бы заместа аднаго смертнага греха два не вышло...

Словно что-то вспомнив, старуха вдруг резко повернулась к Олесе и едко спросила:

– А табе што, не говорили, што при етым грешным деле буде шибко кровить и ты можаш богу душу отдать?

– Не-е, – испуганно замотала головой Олеся. – А что... разве и такое бывает?

Хомчиха вперила взгляд на наивную девку и, сокрушённо покивав головой, тихо сказала:

– Да пошти палавина памирае... кали сами хочуть избавицца от завязи.

В ужасе приложив руки к груди и вытаращив глаза, Олеся попятилась. Хомчиха ухмыльнулась.

– Не трясись. Тут яще ни одна не памерла. Заговор у мяне добры, верны... да и багульник с девясилам подсобят. А уж кровушку потом, як никто други, я особым заговорам астанавлю. У мяне всё надёжнае... а посему и стоит дорого.

Хомчиха вдруг замолкла и несколько мгновений задумчиво смотрела на Олесю, а та на распятии могла присягнуть, что старуха в эти мгновения её не видела. Словно очнувшись, Хомчиха неожиданно спросила:

– Гроши ийе?

Олеся разжала руку с приготовленной пятирублёвой купюрой. Подавшись вперёд и аж вытянув шею, старуха жадно уставилась на деньги. На лице едва заметно проступило разочарование. Хотя чего можно было ждать от деревенской девки в заношенной одежке?

– Ладно, на безрыбье и рак – рыба, – смирилась старуха. – Хотя красенькая была б луччай тваёй синицы.

Ещё что-то недовольно буркнув себе под нос, Хомчиха кивнула на мокрую одежду девушки.

– Здымай. Застынеш не к часу.

Олеся замялась и оглянулась по сторонам.

Бросив Олесе домотканную постилку с замысловатым орнаментом, Хомчиха властно проскрипела:

– Прикрыешся. Всё здымай. И ступай в баню. Невестка всё подготовила, яна и расскажа, што рабить. Для начала у дежцы з кипенем посидеть табе надобно, да глядите там, штоб не ошпарилась. А я скоро падайду.

Хомчиха явилась в баню, когда Олеся уже изрядно просидела в бочке с горячей водой почти по грудь. Приблизившись к бочке, старуха привычно сунула руку в воду и тут же, выдернув её, резко отшатнулась.

– Ох, ты ж! – вскрикнула она. – Ты што, зварыцца хочаш? – выпучив глаза, она накинулась было на Олесю, но тут же, внимательно глянув на неё, настороженно спросила:

– Табе што, не горячо?

– Ну-у... терпимо, – последовал ответ.

Без слов старуха пристально воззрилась уже на невестку. Та всё поняла и виновато пролепетала:

– Я ж, как обычно, доливала кипяток и спрашивала, или не горячо, а она крутит головой и вот так же нукае, мол, не печёт.

Старуха некоторое время раздумывала с озадаченным видом, а затем произнесла:

– Ладно, авось не зварыцца. Иди, – кивнула она молодежи.

Оставшись наедине с Олесей, Хомчиха присела на лаву и буднично произнесла:

– Табе яще трошки посидеть надобно так... Ну, а пока распедай, откудава ты такая и чья будешь?

Сидя в бочке, Олеся рассказала о себе сущую правду: семья почти нищая, батки нет, старый муж умер, что сейчас делать – она не знает. Единственной неправдой в истории Олеси было то, что она нездешняя, издалека, и добиралась сюда несколько дней.

Выслушав исповедь девушки, Хомчиха сочувственно покачала головой. Поверила она или нет – трудно было понять. Старуха ещё раз подошла к бочке и с опаской сунула пальцы в воду – хотя и не так резко, но снова отдернула руку. Странно уставившись на Олеся, она молчаньем требовала объяснений.

Для Олеси вода, конечно же, была горячая, но не настолько, чтоб не выдержать. Видя дикое изумление Хомчихи, девушка поняла, что для старухи такое было впервые. Похоже, в такой горячей воде человеку и в самом деле усидеть нельзя! Что ж, пусть будет так, как нужно.

– Ой, мне и вправду уже невмоготу, – притворно скривилась Олеся, скоренько вылезая из бочки. – А-ай, как горячо!

Тело и впрямь сильно покраснело до уровня, где была вода. С тревогой на лице старуха провела пальцами по коже Олеси – никакого ожога! Надо же...

– Ладно. Кажись, всё добре. Очухайся троти, а то яще сомлеешь, – немного успокоившись, прошамкала Хомчиха и протянула девушке чашку с тёмной жидкостью. – Выпи, потом на лаву ложись. Да гляди, не засни – совсем погано стане! Ежели хочешь, можаш яще... якую-нибудь небывальщину рассказывать, штоб на сон не так клонило.

Сказав о небывальщине, старуха едва заметно ухмыльнулась. Если бы Олеся это заметила, она наверняка бы догадалась, что Хомчиха не очень-то поверила в её рассказы.

Ну, а раз надо и сейчас говорить, то Олеся неожиданно потянуло расспросить про одну из злободневных тем в народе – грехи и нечисть.

– Бабушка, вот вы ж уже прожили немало, да и... – Олеся запнулась, собираясь с мыслями, как лучше сказать, – ...и с силами какими-то знаете... Вот я и хотела спросить...

– Да ты не бойсь, спрашивай. Коль знаю – скажу.

– Вот почему... ну... черт там или дьявол, или вообще нечистая сила людей губит?

– И-ы, – сощурилась Хомчиха, несказанно удивившись вопросу. – Дурёха! Ты де-нибудь бачила, штоб черт или дьявол гонявся за людьми с топором или с вилами?

– Не-е, – растерянно протянула Олеся.

– Ну дак, а чаго ж тады спрашиваешь што ни попадя? Нечисть николи не пралье челове-чьей крови и даже копейки чужой не украде. Ето только люди на такое дуже падкие! А вот черт или дьявол – вот яны-то и подстрекають нас на такие грехи, да нашу душу на стойкасть пра-верають. Ежели душа чистая, то ниякое искушение ёй не страшно. А кали человек с червото-чинкой внутри – дьявол только радавацца буде, мол, найшов-таки, каго хатев. Вот таких людей ён и падбивае на любы грех. И не черти, а сами люди губять адин адного. А черти или той самы дьявол, можна сказать, дажа некоторую пользу приносять, патаму як зло тайнае робяць явным, а значицца, и паганых людей памагають приметить...

– И по чём это их примечают? – удивилась Олеся.

– Па делам да па поступкам неправедным, – Хомчиха мрачно посмотрела на девку. – Вот ты ж тожа поддалась искушению, коль сюда пришла, а стало быть, душа у тябе, девка, того, порчаная. И не глядя на твае маладыя годы, кажацца мне, што грехов у тябе уже паболей, чым у иных старых. Так што ты б луччай падумала про...

Изумившись суждению старухи, Олеся дерзко перебила её:

– Ну а вы, бабушка... вы-то каким человеком себя считаете? Праведным или...

Оторопелая старуха заглянула в глаза нахальной девке, хотела было осечь, но вдруг пере-играла и задумалась.

– Грешница я, – наконец промолвила она таким тоном, словно сама себе вынесла страш-ный приговор.

– Но вы же, я знаю, людям помогаете, – смягчилась девушка, – ворожите и от хворей всяких лечите.

– Ага, от хворей... Больш от таких вот, як у тебе... – кивнула Хомчиха на живот Олеси. – Ну, а ежели по правде, то судьба не любить, кали ее спрашивают, а уж кали яще лезуть да вмешивающа в дела ее – вот тут-то яна и вовсе гневаецца... Оттого почти все ворожки несчастные. Ну а я... Вот жила б, як все, можа, и возле щастя погрелась бы трошки. Прастому человеку от етой жизни багато не надобно: подавай тёплую хату в мороз да харчей под нос – вот тебе и щасте.

Олеся вдруг вспомнила о больном мужике и осторожно спросила:

– А это ваш сын... во дворе?

Хомчиха горестно вздохнула; горькая слеза задрожала на старческих глазах.

Помолчав, старуха ласково прошептала:

– Мой. Самый младшенький. Четвёртый... – не сдержавшись и всхлипнув, она добавила: – Последний. Трoих уже схоронила... Вот так вот... А ты говоришь «людям помогаете...»

Поражённая Олеся застыла с ужасом в глазах. Спрашивать что-то ещё она не посмела...

Ни у Хомчихи, ни у Олеси желания разговаривать больше не было.

Лишь два или три раза дав короткие указания, старуха вскоре приступила к главному действию, начав шептать колдовской заговор против чуда природы – зародившейся жизни...

Нагая Олеся лежала на лаве.

Держа руки над её животом, ворожея начала усердно бубнить тайные слова, сплёвывать, креститься и поминать рабу Божью Олесю. Многие диковинные фразы девушка хорошо слышала, и ей даже стало интересно – она ещё больше напрягла слух.

После первого прочтения заговора у Хомчихи на лбу выступила испарина, руки едва заметно пробивала дрожь. Да-а, видать, и в самом деле нелегко вмешиваться в дела высших сил и пытаться изменить направление указующего перста судьбы!

К концу второго чтения заговора старая Хомчиха выглядела уже просто измождённой!

Олесе вдруг тоже сделалось худо, начала кружиться голова. Быстрее бы всё закончилось! Девушка бросила умоляющий взгляд на старуху, и её вдруг пробрал страх: в глазах ворожеи явно читалась паника! Что-то пошло не так!

Ещё немного и уже через силу шамкая губами, старуха вместо слов еле выдавливала какие-то невнятные стоны, всю её трясло. Полузакрытые глаза, полные бельмесости, отрешённо блуждали. По всему было видно, что ворожея находилась в состоянии, близком к беспомысленности.

Олеся совсем струхнула и срывающимся голосом завопила:

– Бабушка!

Хомчиха вздрогнула, взгляд её стал более осмысленным. Глаза на мгновение прилипли к Олесе и вдруг, до предела раздавшись в зрачках, медленно пошли под лоб. Из носа старухи показалась тоненькая струйка крови – показалась и тут же остановилась, чуточку не достав до верхней губы. Тихонько, словно пытаясь тайком от кого-то скрыться, старуха в глубоком обмороке сползла с лавы на пол.

Олеся завизжала.

В баню на крик вскочила невестка Хомчихи. Она застыла в дверях, лихорадочно соображая, что же тут произошло. Ей хватило мгновения! Схватив ушат с холодной водой, она окатила старуху. Та вскоре начала подавать признаки жизни. Ещё немного – и она окончательно пришла в себя.

– Что тут у вас стряслось? – спросила ошарашенная молодница, усадив старуху на лаву.

Хомчиха устало вытерла рукой воду с лица и только потом подняла глаза на перепуганную клиентку.

– Вот, – кивнув на Олесю, она с трудом зашлюпала губами, – про дьявола... расспрашивала... А ён, аказваецца... у яе в утробе сядить. Ни один мой заговор... ни одна трава... не заставят яго выкинуцца...

Поражённая Олеся застыла с полуоткрытым ртом, глаза от страха как две плоски.

Не моргая, старуха вдруг начала давить её тяжёлым взглядом, видимо, напрягая какие-то внутренние свои силы. Но их-то, сил этих, у Хомчихи не осталось совсем – ни духовных, ни телесных! И она обмякла, поняв тщетность своих усилий.

– Такая и в кипящей смоле не сдохне, – злобно прошипела ворожка, глядя на Олесю. – Спалить бы яе, сучку, да скорей сами погорим.

Хомчиху повело, она начала заваливаться. Подхватив её, молодница бросила недобрый взгляд на Олесю.

– Шла бы ты, девка, отсюда. Да подальше от этих мест. О таком мы молчать не будем.

Не спуская глаз с хозяев, Олеся медленно потянула к себе свою одежду.

Молодица продолжала:

– А лучше, вообще на край земли сойди... или в ад. Там тебе место.

– И як жа ж ета я сразу... не дагадалась?.. – с трудом выдавливая слова, едва слышно засипела Хомчиха. – Из Бярозавки яна... Там яе места... Там яе логава...

Глава 4

Не разбирая пути, Олеся летела домой в Берёзовку. Нипочём были лужи и грязь, нипочём хлеставшие по лицу и рукам ветки – всё нипочём! Падала, поднималась и снова падала. Не зря ж поторопка крепко со спотычкой дружит, да только сейчас не поторопка – беда чёрная гнала несчастную! Тут уж можно так упасть, что уже и не встать! М-да...

В последние дни Олеся упрямо настраивала себя на то, что понесла от паньча. И вот нате вам – всё-таки мельник! Всё-таки волколак!

Девушка снова была растеряна, напугана и в который уж раз раздавлена судьбой. Сейчас она с содроганием вспоминала безрассудные мысли о мести обидчикам и о какой-то тайной власти, если б она стала матерью оборотня! Бред какой-то! Изведённой невзгодами девушке теперь хотелось лишь одного – быть такой, как все!

Но почему?! Почему у неё всё идёт наперекосяк?! Почему коварная судьбина, вцепившись коршуном, терзает её и всё никак не может уняться?!

Ну, тут можно лишь предположить, что судьбе не чужда потеха, и, вволю поизмывавшись над бедокуром Ефимкой, ей, видимо, захотелось чего-то новенького. Она не стала далеко ходить и перекинулась туда, где есть простор для жизненного крючкотворства, где можно вволю подурачиться, чиня каверзные хитросплетения. А уж с такой красавицей, да ещё и беременной от оборотня – ох и разгуляться ж можно!

Вот и насмехалась судьбина над Олесей да всё норовила стукнуть побольнее. Поманит, даст надежду – и тут же удар в спину, а то и по лицу наотмашь! Точно как сейчас: показала судьба шанс вырваться из Берёзовки, перед глазами у Олеси покрутила им, да и стянула этот шанс из-под самого её носа себе на потеху. А уж со злосчастной беременностью что творит, так и вовсе кровь в жилах стынет! Вроде как подкинула из двух зол меньшее – обыкновенную беременность, – да не стала долго тешить красавицу горькой долей, преподнесла ей ещё более горший удел – плодоношение от чудовища, не забыв при этом и пять рублей в придачу умыкнуть!

Нет, не возьмут её, непорочную, в город! Ну и куда ж теперь с чудовищем в утробе?!

Раз за разом спотыкаясь и падая, обессиленная Олеся плелась в Берёзовку. Она не плакала – она раненым зверем выла и скулила.

По глухому и болотистому Полесью шла несчастная девушка, всем сердцем своим возненавидевшая судьбу...

Да-а, наверное, редко можно встретить такой коварный норв у судьбы. Да вот только ж говорят, что большинство судеб схожи с натурой своих подопечных. Так что вроде даже как пара получается...

Ох и не хотелось Олесе в этакой паре тянуть лямку жизненную! Такая товарка, того и гляди, будет вернуть на стезю, где всё усыпано шипами!

Домой красавица явилась уже затемно – вся в грязи и в слезах, оборванная и оцарапанная. Да уж, красавица так красавица...

Мать и оба брата, испугавшись вида Олеси, попытались было расспросить, что стряслось, но, наткнувшись на дикий взгляд, оставили горемычную в покое. Да где уж теперь тот покой?!

Чёрные мысли рвали сознание, словно свора взбесившихся собак! Голова раскалывалась от боли. Безысходность давила душу. Казалось, теперь только в петлю дорога прямая.

И никто не мог помочь Олесе!

Хотя нет, при таком неимоверном потрясении у людей иногда всё же находился чертовски надёжный помощник и спаситель – полное умопомешательство, препровождавшее несчастных в совершенно другой, безоблачный и блаженный мир...

Олеся даже не представляла, насколько в этот вечер она и в самом деле была близка к безумию... Но, видимо, кто-то решил, что будущая мать достаточно наказана за опрометчивый поступок. На выбившуюся из сил девушку вдруг нашло странное безразличие ко всему вокруг, и она незаметно уснула. Скорее всего, это её и спасло. И не только её...

Олеся проснулась под утро. Было ещё довольно темно, и лишь на востоке предутренний сумрак, испугавшись зарождающейся зари, побледнел и начал ключьями туманными нехотя прятаться по низинам да по тенистым дубравам.

Не шелохнувшись, Олеся лежала в полутьме с открытыми глазами. Было довольно странно, но после всего пережитого мысли её сейчас парили по сознанию с необычайной ясностью. Вот уж не зря говорят, что утро вечера мудренее.

Первое, что пришло девушке в голову, заставило тело покрыться липким холодным потом, а через мгновение и волосы на голове зашевелились, пытаясь встать дыбом. В ужасе резко приподнявшись на локтях, Олеся лихорадочно пробовала ошельмовать страшную мысль, но как ни крутила, всё говорило в пользу зловещей действительности: избавиться от зародыша ей препятствовал не Бог! Дальше Олеся побоялась развивать эту мысль...

Немного успокоившись от шока, девица цепко и даже с какой-то холодной яростью начала оценивать пропасть, в которую её опять столкнула судьба. И надо отдать должное Олесе, ибо она снова полнилась решимостью подняться с колен и наперекор всему выкарабкаться из этого чёртова зева! Да, она продолжит бороться за своё счастье! И первое, что ей сейчас нужно – это успеть к урочному часу в местечко. Она вырвет свой шанс у коварной судьбы! Только бы дождалась её та богатая парочка! О беременности она промолчит, а там – будь, что будет!

Багряная заря встретила Олесю уже далеко за околицей Берёзовки. С узелком в руках девица спешила в новую жизнь, к более счастливой доле. Во всяком случае, она так надеялась. Вот только в новую жизнь со старыми и не прощёнными грехами вступать крайне тяжело...

К обедне Олеся явно не успевала. Расстроенная, уставшая и едва не плача, она подходила к условленному месту возле церкви. Урочный час давным-давно уже прошёл, и ждать Олесю почти полдня вряд ли кто будет!

Насилу сдерживаясь, чтоб не разреветься, бедняга сквозь слёзы затравленно оглядывалась вокруг. Взгляд то и дело натёкался на неспешных прохожих; у церкви – три крестьянские подводы, явно из окрестных деревень; дети, больше похожие на беспризорников, игрались в песке – и никому не было дела до волнений незнакомой девицы...

Не заметив вчерашних богатеев, Олеся даже обошла вокруг площадку перед церковью в поисках их, но и тут только лишь случайные прохожие да нищие на паперти. Девушка окончательно упала духом. Опоздала! Все надежды и чаяния снова пошли прахом!

«Господи! – мысленно в сердцах воззвала девица к Богу. – Да сколько ж это будет продолжаться?! В чём моя вина?!» Немо выкрикнув вопрос о вине, Олеся спохватилась и пожалела о такой горячности. Зачем надо было лишний раз напоминать небесам о грехах?! Ведь этого «добра» она уже успела нахватать с лихвой!

И горемычная не сдержалась. Рухнув на лавку в церковном дворе, она горько разрыдалась, совершенно не обращая внимания на любопытных прохожих. Вволю выплакавшись и теперь лишь изредка хлипая, Олеся, казалось, застыла в тяжёлой задумчивости, однако думать голова была не в состоянии – в мыслях очень даже уютно себя чувствовала полная пустота.

Неизвестно сколько бы она так просидела в отрешённости, если бы её не вывел из этого состояния раздавшийся за спиной тихий голос. Знакомый голос!

– А мы уж думали, что ты не придёшь.

Девушка ещё мгновение сидела с широко раскрытыми глазами, не веря в чудо! Затем она резко вскочила, повернулась и...

Радости не было границ! Со слезами Олеся бросилась в объятия к будущей хозяйке. Порывав ей в плечо, она наконец опомнилась и, чуть отстранившись, в смущении опустила голову.

Совершенно не ожидавшая такого проявления чувств Ядвига была несколько растеряна, но, наверное, всё же больше тронута. В глубине души она даже возгордилась, что так ловко подобрала ключик к душе деревенской красавицы-простушки.

Да уж! Женщина со своей изощрённой хитростью и коварством даже и подумать не могла, что этой юной девице жизнь уже успела примерить уйму масок, и в одно время ей даже впору пришлось личина хриstopродавца Иуды. Так что эта деревенская простушка, стыдливо опустившая глаза долу, почти ничем не уступала Ядвиге Сакульской в сметливости. О таком довеске к своей удаче Ядвига никак не могла предположить ...

Глава 5

Радость переполняла Олеся. В кои-то веки ей нежданно-негаданно сказочно повезло – она вырвалась из Берёзовки! И не в другую деревню или на какой-нибудь захудалый хутор, а в город! В большой губернский город Гомель!

Олеся давно уже заметила – хотя и не хотела себе в этом признаваться, – что бог дал ей красоту, а про удачу, видимо, подзабыл. Почти всегда и везде было одно невезение!

И вот наконец-то заглянуло солнце и в её оконце – девушка искренне верила, что жизнь в городе непременно изменится в лучшую сторону!

Красавица радости своей не таила и наполнилась трепетом, представляя, как будет гудеть Берёзовка, да и округа тоже, когда все узнают, где она. Пусть теперь односельчане видят, что не такая уж она и пропащая!

Олеся взяли служанкой в весьма богатую, как казалось самой девушке, семью Сакульских. Вот только фамилию и место жительства хозяев она узнала в последний момент по прибытии на место.

Хозяйка – прозорливая Ядвига Наумовна не из тех, кто на слово поверит деревенской девке, да ещё и на лицо пригожей. Ей удалось разузнать, что Олеся вовсе не сирота. Это Ядвигу огорчило сильно, и она мысленно поблагодарила свою сметливость за то, что раньше времени не открыла девке своё имя и адрес. «Что ж, пусть и дальше прикидывается сиротой, – подумала Ядвига, и кривая полуулыбка передёрнула её губы. – Главное, чтобы никто не знал, где она».

Копнуть поглубже в прошлое служанки женщина не сочла нужным. А зря...

Новая обстановка и яркие впечатления последних дней напрочь вытеснили тяжёлые думы из сознания Олеси. Она просто вертелась в приятных хлопотах и с трепетным волнением постигала особенности проживания в господском доме.

Олесю одели в «городскую» одежду, специально скроенную под её фигуру. И хотя эти наряды были перешиты из вещей хозяйки, но всё равно сердце девушки они радовали не меньше обнов.

Проходя мимо зеркала, Олеся с удовлетворением отмечала свою стройность и красоту. «Эх, – думала она, – вот бы берёзовские хлопцы и девчата увидели меня сейчас даже в самом скромном из нынешних нарядов – зависти на всех у искусителя могло бы и не хватить!» А то, что её одежда – это простая форма прислуги, красавицу из полесской деревушки нисколько не смущало. Главное для неё было то, что это не только новая одежда, но и новая жизнь!

Деревенская девица с превеликим удовольствием вживалась в роль горожанки. Почти всё для неё было ново, незнакомо и впервые. Олесю поражали и даже изумляли некоторые диковинные вещи, украшения и предметы, о предназначении которых ей ещё только предстояло узнать. Она на лету схватывала правила и нормы поведения как в доме хозяев, так и на улицах города.

Девушка с нескрываемой завистью наблюдала, с какой важностью держалась знать, и даже богатым мещанам, из кожи лезшим вон, чтобы всячески продемонстрировать свой дутый достаток, Олеся завидовала непомерно.

Познавая манящий к себе мир жизни зажиточных людей, красавица в порыве воодушевления иногда даже чувствовала себя причастной к этой жизни. И хотя она знала, что это чувство явно ложное, но всё же в глубине души Олеся была уверена: она тоже достойна такой жизни! И ведь совсем недавно она по-настоящему рассчитывала на такое, но...

Но неотвязные мысли о беременности враз стягивали её с небес на грешную землю, и Олесю охватывало отчаянье. Служанка до ужаса боялась дня, когда раскроется, что она непорочная. А ведь рано или поздно это неизбежно произойдёт! Скорее всего, её тут же выставят за дверь. Возвращаться домой ни с чем, а вернее, с пузом, не хотелось до смерти.

В моменты отчаяния у Олеси проскакивали совсем уж сумасбродные идеи: «Может попросить Ядвигу Наумовну, чтоб замуж поскорее выдали за кого-нибудь... – думала она. – Но как объяснить такую спешку?» Девушка терялась в догадках и размышлениях. «Эх, если бы не эта беременность! – в сердцах кручинилась она и горько домывликала: – Волчья беременность...»

Пока душу Олеси терзали мучения, хозяйка заботливо приобщала её саму к совершенно новой жизни. Несмотря на переживания, Олеся добросовестно и даже с какой-то жадностью усваивала все наставления Ядвиги Наумовны. И если жизнь богатеев вызывала у деревенской девицы восхищение, то крайне неприглядная внешность хозяйки вводила её в некоторое недоумение.

В чувстве благодарности к Ядвиге Наумовне неожиданно завёлся червячок зависти и начал потихоньку точить девушку: «Почему такая страхолюдная тётка живёт в роскоши, а ты, молодая и красивая, – в нищете?» Но Олеся тут же решительно отгоняла крамольные мысли и старалась поскорее занять себя каким-нибудь делом. «Не пристало так думать о благодетельнице своей!» – корила она себя, стараясь напрочь избавиться от непотребных думок.

Олеся очень быстро освоилась в барском доме. По сравнению с деревенским бытом и изнуряющим сельским трудом, здесь со своими обязанностями горничной она справлялась не напрягаясь. Господское отношение к ней было чересчур уж благосклонным. Вот только с первых же дней горничная начала замечать на себе пристальные взгляды пана Сакульского, и в этих взглядах без труда угадывалось желание. Это поначалу довольно сильно смущало девушку, а дальше и вовсе начало пугать: пан Сакульский наедине недвусмысленно намекал служанке о её пригожести.

Однажды после обеда, спустя чуть больше недели после появления Олеси в доме Сакульских, её позвала хозяйка. В руках Ядвига Наумовна держала листок бумаги.

– Поеду батюшку навещу. Давненько не была в родительском доме, – буднично начала она. – Как обычно, заночую там, доставлю радость старику. Завтра в полдень вернусь. А ты за это время продуктов прикупи. Вот тебе список, что надо купить. Воскресным днём у нас будет важный гость. Так что не оплошай, иначе...

У хозяйки едва не сорвалась с языка какая-то колкость, но она вовремя сдержалась, отметив в уме, что ещё слишком рано.

Ядвига положила на стол листок и неожиданно упёрла странный и холодный взгляд в горничную.

Девушка стушеввалась. Она почувствовала, что хозяйка явно чем-то раздражена.

– Я не умею читать... – тихо, почти со страхом проронила Олеся. – Если можно, прочитайте, что надо купить. Я запомню.

И снова холодный взгляд окатил горничную – та виновато опустила голову.

– Спешу я. Попросишь пана Сакульского, он прочтёт, – отрезала Ядвига Наумовна.

Нервно теребя в руках замысловатую дамскую сумочку, украшенную богемским бисером и кружевной вышивкой, она некоторое время в задумчивости смотрела на служанку. Смотрела, а сомнения снова и снова старались взять верх над здравым резонансом...

В последнее время Ядвигу всё чаще преследовало чувство сожаления о том, что для своего замысла она решила выбрать девицу покрасивше. Причиной такого выбора послужили её собственные душевные терзания из-за своей неприглядной внешности. Вот поэтому она хотела избежать такой же участи для «своего» будущего ребёнка.

На Олесе ладно сидел сарафан, перекроенный из платья хозяйки. Стянутый на талии поясок фартука выгодно подчёркивал девичий стан. Худосочная Ядвига Наумовна в который уж раз с завистью отметила, что её старое платье явно тесное для сочных грудей горничной. Она с трудом подавила тяжёлый вздох и с раздражением подумала: «Как?! Ну как у тёмных лапотников могла родиться такая красивая... сучка?!»

Постояв ещё мгновение и не найдя ответа на свой немой вопрос, хозяйка гордо вскинула голову и решительно двинулась на выход. Дверь за ней гулко захлопнулась, словно крышка гроба.

Олеся вздрогнула от грохота. Пребывая в растерянности и оторопело хлопая глазами, она долго смотрела на закрывшуюся за хозяйкой дверь.

Из этого оцепенения её вывел вкрадчивый голос:

– Я не только прочитать, а и вовсе могу обучить тебя грамоте.

Олеся снова вздрогнула и резко обернулась – в дверях спальни стоял пан Сакульский. Он вожделенно смотрел на девушку и, натянуто улыбнувшись, добавил:

– Без этого никак. Ты ведь прислуживаешь в доме весьма знатной семьи, а посему грамоту тебе знать положено.

Пан Сакульский медленно подошёл к Олесе и без стеснения в упор начал рассматривать её лицо. Затем его взгляд пополз вниз по шее и, скользнув по плечу, задержался на грудях, соблазнительно обтянутых тёмной тканью. Мужчина невольно сглотнул, и в его голове не в первый раз мелькнуло изумление: «Никогда бы не сказал, что непородистая...»

Хозяин осторожно провёл тыльной стороной пальцев по видневшимся из-под платка волосам служанки.

Сердце Олеси колотилось. Все эти дни она прекрасно осознавала, что с её-то внешностью рано или поздно такое очень даже может случиться, и, положив глаз на красивую служанку, хозяин, скорее всего, попытается овладеть ею. Олеся в мыслях уже загодя искала выход из скверного положения.

Да, несколько месяцев назад она бы особо и не заморачивалась по такому пустячному поводу, тем более что и пан Сакульский был мужчина видный – это вам не старый мельник Домаш, бывший муж, и не прощельга паныч Зибор! Но сейчас, встав на праведный путь, Олеся перед богом дала обет не грешить. Ну и как теперь быть?! Разозлится пан Сакульский – жизнь служанки будет несносна. Уступишь хозяину – Ядвига Наумовна непременно узнает! Олесе даже страшно было подумать, что тогда будет...

И вот сейчас, видя похотливый взгляд пана Сакульского, Олеся вдруг вспомнила почти враждебный взгляд Ядвиги Наумовны перед уходом. От одной лишь догадки, что госпожа уже что-то заподозрила, Олеся внутренне содрогнулась. И это при всем том, что бедная девушка ни сном ни духом не виновата. «Господи! – мысленно взмолилась она, – помоги рабе своей, вразуми, не дай сбиться с пути праведного!»

Но бог почему-то молчал, предоставив рабе своей подумать и сделать выбор самолично. Только где ж ты тут подумаешь, когда под цепким взглядом хозяина чёртовы мысли, словно блохи, скакали в разные стороны, лихорадочно путались и совершенно ничего не могли подсказать. Да ещё и главная беда постоянно напоминала о себе, и Олеся едва ли не вслух простонала: «Хоть бы не эта беременность!» Хорошо, что вовремя спохватилась и произнесла это мысленно. Испугалась, однако, сильно.

Перед паном Сакульским красавица стояла на грани отчаяния. Ей оставалось только молиться. И она молилась.

То ли молитвы помогли, то ли природная смыслённость наконец-то проснулась – сознание Олеси вдруг озарилось, и в голове просто затрещала шальная идея: «А что если «понести» от хозяина! Потом его можно будет и припугнуть. Ядвига Наумовна грозная – он побоится, денег найдёт! Если уж придётся уходить, так не с пустыми руками! Коварно, конечно! Но куда деваться?! А никуда! Поэтому надо самой защищаться и на зло отвечать такой же монетой!»

Олесю аж дрожь пробила от внезапной и ловкой задумки.

Но даже в самых смелых мыслях девице и в голову не пришло бы, что забеременеть от хозяина она должна ещё и по чужой, не менее ловкой задумке...

Не одно тысячелетие многие люди полагают, что могут обхитрить судьбу. Что ж, такова склонность человека – полагать, да вот только располагать, как известно, будет не он! Хотя бывает, конечно, что человек, полагая, будто он самый умный и хитрый, такого иногда может наворотить, что потом ни бог, ни чёрт разобраться не могут, не говоря уж об ошарашенной судьбе.

Лех Сакульский заворожённо смотрел в глаза девушки – она не выдержала и в смущении опустила взгляд. Думая о чём-то своём, хозяин едва заметно с одобрением кивнул и, заглянув в спальную комнату, тихо произнёс:

– Пойди в спальне прибири.

Служанка покорно пошла исполнять приказание. Не зная, куда от смущения деть глаза, она почти вплотную протиснулась мимо пана Сакульского в дверном проёме. Он не посторонился и уловил едва различимый запах девушки – она пахла клевером и чем-то домашним. Это неожиданно сильно и приятно поразило мужчину, заставив кровь быстрее течь по жилам.

Было ещё светло, но в спальне, против обыкновения, тяжёлые атласные шторы почему-то оказались задёрнуты. Олеся хотела было их раздвинуть, но её остановил голос пана Сакульского:

– Оставь. Пусть так.

Пожав плечами, девушка в лёгком полумраке принялась нервно наводить порядок, хотя было совершенно очевидно, что в комнате и так почти всё прибрано.

Впопыхах поправив кровать, Олеся начала смахивать с комода несуществующую пыль. Убирая оставленные хозяйкой мелкие вещи для шитья, она краем глаза следила за всё ещё стоящим в дверях паном Сакульским.

Суетливо делая работу, Олеся вдруг на мгновение замерла – в её руке тускло сверкнули сталью маленькие ножницы. Недолго раздумывая, девушка улучила момент и незаметно сунула ножницы в карман фартука...

Когда-то со стыдливой жадностью услышав похабные разговоры распутных девок, Олеся позже сильно удивилась, что в её памяти почему-то накрепко засели некоторые обманные уловки и советы. И вот теперь один такой совет, похоже, может пригодиться.

Протирая большое зеркало, девушка в отражении заметила, как пан Сакульский тихо вошёл в комнату. Не отрывая взгляда от суетящейся служанки, он сел на кровать.

Лешка крайне занимало трепетное смятение девушки. «Бедняжка, видимо, догадывается, что сейчас может произойти», – участливо подумал он.

А служанка не просто догадывалась – она полностью была уверена в этом!

Ещё некоторое время позабавившись наблюдением за скованностью красавицы, Сакульский вдруг тихо её позвал:

– Подойди сюда.

Олеся на некоторое время замерла, затем настороженно обернулась. Красивые глаза блеснули тревогой, что делало их ещё более прекрасными.

Даже в сравнительном полумраке Сакульский сразу заметил в девушке затаённый испуг. Глядя на эту трепетную лань, он в который уж раз мысленно поблагодарил Ядвигу за такой прекрасный выбор. Девушка ему очень понравилась и, похоже, даже чуть больше чем «очень понравилась».

– Не бойся, – душевно произнёс он. – Подойди ко мне.

Буйно цвета смущением, Олеся робко приблизилась.

«Да-а, вот где настоящая целомудренность, – с восхищением подумал мужчина. – Как бы душу ей сильно-то не поранить».

Совершенно неожиданно для себя пан Сакульский проникся искренней нежностью к девушке, чего раньше за ним никогда такого не водилось.

В своей жизни Лех Сакульский повидал немало всяких женщин, но даже ухаживания за весьма знатными паненками не заставляли его сердце трепетать – оно всегда оставалось безучастным. И вот сейчас это случилось: сердце пана Сакульского впервые заволновалось – томно и сладко.

Зная, что слишком часто в прислуге панских домов оказываются самые красивые девочки, Сакульский осторожно поинтересовался:

– Олеся, скажи мне... там, в деревне... была ли ты в услужении в панском доме?

Девушка сразу поняла, куда клонит хозяин и, отрицательно покачав головой, тихо произнесла:

– У нас пан Ружевиц бедный... Он почти без прислуги обходится.

Видя некоторое колебание пана Сакульского, Олеся тут же добавила главное:

– И старый шибко...

– Ну и ладно, – облегчённо произнёс Сакульский.

«Это вам «ладно», – мысленно не согласилась красавица, – а мне и паныча-лихоимца хватило... И горестей от него тоже перепало с лихвой».

– У тебя... было уже? – снова осторожно спросил Сакульский, но видя, что девушка не совсем понимает, продолжил: – Я имею в виду...

Стыдливо опустив глаза и не дав хозяину договорить, Олеся едва слышно проронила:

– Не. Не было...

О, как! Слышал бы это Зибор – захлебнулся б негодованием! Да и мельник тоже наверняка перевернулся б в аду.

Зато пан Сакульский некоторое время с восхищением смотрел на девушку, а затем взволнованно произнёс:

– Ты очень красивая, Олеся, и я позабочусь, чтобы жизнь твоя не омрачалась здесь ничем. Слово шляхтича даю: тебе у нас будет хорошо.

Ну что могла сказать бедная девица? Горький опыт доверчивости у неё ещё не выветрился из памяти, и она непроизвольно вспомнила паныча Зибора: «Один уже обещал райскую жизнь...»

В отличие от юной девицы и, несмотря на коварство своей роли в плане супруги, молодой мужчина вдруг воспылал благородством и твёрдо дал себе слово принять посильное участие в судьбе девушки.

Сидя на кровати, Сакульский легонько притянул к себе Олесю. Не смея противиться, она настороженно придвинулась.

Сердце горничной учащённо билось. Затаив дыхание, она пребывала в неуверенности: правильно ли поступает? Похоже, что правильно. Слишком много поставлено на карту! Слишком много значит этот случай для её будущего!

Любуясь девичьей фигурой, Сакульский повернул её боком, трепетно провёл ладонью по изгибу спины.

Совсем не к месту в голову Олеси вдруг вскочила горькая мысль: «Будто на базаре стати у кобылы оценивает!»

– Паночку, я уже всё убрала. Можно, я пойду? – жалобно произнесла она, ненастойчиво порываясь пойти.

Пан Сакульский живо встал и взял её за плечи. С любой другой служанкой он бы особо не церемонился, а тут вдруг заволновался. Не находя слов и надеясь на повиновение прислуги, он легонько притянул к себе Олесю, осторожно обнял и так же осторожно поцеловал в шею чуть ниже мочки уха.

«Скромная девушка не должна сразу падать с мужчиной в кровать!» – подумала Олеся и, несильно упёршись руками, всполошено забормотала:

– Ой, что вы, пане! Не можно ж так. А вдруг пани Ядвига узнает?

Лех Сакульский уже не владел собою.

– Не узнает! – с дрожью в голосе прорычал он и в сильнейшем возбуждении почти набросился на служанку.

Всё произошло очень быстро.

Лех Сакульский с удовлетворением отметил неопытность девицы, её напряжение, вскрики от боли, слёзы на глазах и... кровь на простыне.

Немигающий взгляд девушки застилала влажная пелена, а из краешков глаз по щекам шли блестящие полоски.

– Зачем вы так? – тихо проронила Олеся. – Как же мне жить теперь с этим? Господи, срам-то какой...

Что ж, если жизнь вынудила тебя играть отвратную роль, то давай, красавица, постарайся сыграть её великолепно!

Пан Сакульский был тронут наивностью девушки.

– Глупенькая, – улыбнулся он. – Твоя жизнь... я имею в виду настоящую жизнь... только начинается.

Сев на кровати, пан Сакульский притянул к себе девушку и нежно прижал к себе.

К своему ужасу, Олеся отметила, что ей было приятно внимание господина! Ну и как тут быть безгрешной, когда сама судьба так обложила со всех сторон, что и выхода другого нет, кроме одной лишь лазейки – грешной лазейки!

Покровительственно глядя на девушку, Сакульский, казалось, о чём-то раздумывал и наконец, кивнув на супружеское ложе и едва заметно, но многозначительно похлопав по нему, произнёс:

– Сегодня будешь спать здесь.

Олеся промолчала, как всегда, стыдливо опустив глаза.

Лех Сакульский был весьма доволен, вернее, довольны были оба, вот только причина этого довольства у каждого была своя, а главное – разная.

И если насчёт беременности Олеся уже знала, как дальше быть, то, что предпринять, если у неё родится какой-нибудь выродок – вот этого она не знала. Хотя ворожея и подтвердила опасение Олеся по поводу дьявола внутри, но в глубине души девушка питала махонькую надежду, что Хомчиха всё же ошиблась или, на худой конец, сильно сгустила краски...

Всё ещё находясь в объятиях хозяина, Олеся едва заметно поморщилась: глубоко проколотый ножницами и окровавленный девичий палец, зажатый в кулачке, изрядно отзывался болью. Но по большому счёту это был такой пустяк...

Глава 6

– Ну, утешила старика, утешила! Ночь не спал, мысли до утра хороводили на радостях, – довольно кряхтел Наум Авдеевич, попивая чай с дочкой.

– Папенька, так это ж пока только догадка, – заскромничала Ядвига. – Вы уж потерпите маленько, совсем скоро всё будет определённо известно. Хотя сердце моё уже сейчас чувствует зародившуюся жизнь под собой. Но всё равно для верности лучше подождать.

– И так уж пять лет ждал, а теперь вот...

В гостиную вошла служанка. Наум Авдеевич замолчал и вопросительно поднял на неё глаза.

– К вам из Сержского приюта пришли. Сказали по весьма важному делу.

Наум Авдеевич виновато улыбнулся дочери.

– Ну вот, ещё одни. Как узнали о намерении благотворительностью заняться, так ходоки день и ночь толпами порог обивают.

– Гнали бы вы их взашей, папенька. На всех добра не напасёшься. Сколько ни дай – всё одно мало будет, да ещё и разворуют половину.

– А вот это, дочка, уже не мой грех будет, – добродушно возразил Наум Авдеевич. – Душа-то к старости добро хочет творить, и теперь, дай бог конечно, будет на кого это добро излить.

«Знаю я твоё «добро творить», – подумала Ядвига, – всё грех смертный за гибель матушки искупить норовишь. Поди не без ушей... наслышана».

– Будет вам на кого добро своё оставить, – подавив вздох и ласково улыбнувшись, заверила Ядвига. Она потянулась было к зажаренной курице за ножкой, но вдруг, спохватившись, убрала руку назад.

– Нет, не могу мясо есть, подташнивает что-то, – произнесла эти слова, она стрельнула взглядом на отца.

– Ну, коли так, – браво закрутил усы Наум Авдеевич, – то, может, и вправду надо отваживать всех этих разномастных ходоков.

Наум Авдеевич нехотя встал и вышел из гостиной.

Ядвига мрачно подталкивала его в спину взглядом, а когда отец скрылся за дверью, крепко задумалась о своём. «Как оно там прошло? Не сбежала бы? Да нет, не должна. И куда бежать, домой? Да любой деревенской девке за честь стать прислугой в знатной семье, а с её-то внешностью и сам бог велел из хлева выбираться... Нет, всё должно получиться. Вот только б не затягивать с этим. Хорошо бы с первого раза...» – женщина тяжело вздохнула.

Ядвига боялась себе в этом признаться, но немалая тревога бередила её сердце. И это была даже не тревога, а скорее, женская ревность. Она не на шутку опасалась, как бы Лех Сакульский не потерял голову от этой смазливой мужички. Но, в который уж раз поразмыслив

и так и эдак, Ядвига со своим прагматическим складом ума всегда приходила к одному и тому же заключению: последнее, на что решится Сакульский – это остаться без крова и без достатка.

Ещё некоторое время вытерпев общество родного отца, Ядвига засобиралась домой. С притворной любезностью распрощавшись с Наумом Авдеевичем, она с облегчением вздохнула на улице полной грудью. «Ну вот, – подумала она, – одну роль отыграла. Теперь пора настраиваться на другую. Тут уж будет легче с простушкой-то этой. Хотя кто его знает, дело-то весьма щекотливое...»

Ну, насчёт щекотливости дела Ядвига была совершенно права, а вот насчёт простушки – ошибалась жестоко. Ей, конечно, впору было гордиться изворотливостью своего ума, да только недооценить соперника – для любого стратега смерти подобно. Но таково уж мнение укоренилось в умах людей, особенно у богатых: если из деревни, да ещё из гольтыбы – значит хам, невежа и тугодум. Да только не зря ведь про таких невеж говорят, что голь на выдумки хитра. Так что лучше переоценить, чем потом пожинать неожиданно горькие плоды своего легкомыслия. Но как бы то ни было, судить об этом ещё рано.

Как и обещала, домой Ядвига приехала около полудня. Сходя с брички, женщина сразуostroила на лице выражение усталости и безразличия. Но под этой маской играл не в меру болезненный интерес: что она сейчас увидит в глазах служанки? Испуг? Смятение? Слёзы? А может быть, девка закатит истерику на всю округу? Этому Ядвиге хотелось меньше всего...

Как и было заведено, дверь хозяйке открыла горничная.

Взглянув на неё, удивлённая Ядвига Наумовна так и застыла на месте. Она оторопело таранилась на Олесю, полнившуюся безмятежным спокойствием. Ни тени смущения, ни капли волнения, а тем более испуга перед хозяйкой за страшное прегрешение, как предполагала Ядвига, в облике девушки не было и в помине. Такое неподдельное спокойствие было под стать только благочестивой праведнице.

Значит, ничего не произошло!

На Ядвигу вдруг нахлынула волна раздражения и даже больше – злости! Весь спектакль коту под хвост! Она уже сама готова была если не закатить истерику, то уж точно разнести в пух и прах и негодную девчонку, и растяпу муженька! Ладно – девка деревенская, но чтоб прожжённый ловелас так оплошал?!

«Телепень! – распалаясь супруга. – С деревенской прислужницей совладать не смог!»

Едва сдерживая гнев, женщина молча вторглась в дом и тут же наткнулась на довольную физиономию своего благоверного. Ядвига снова застыла. «Что, черт побери, происходит?!» – мысленно чертыхнулась она.

Хозяйка дома решительно ничего не понимала! Лезшее через все края довольство Сакульского красноречиво говорило, что этот мартовский кот был просто на вершине блаженства!

«Значит, было! – то ли с облегчением, то ли с горечью догадалась Ядвига. – Или всё же нет?!» Она продолжала буравить изучающим взглядом супруга.

А супруг цвёл майской розой! И это при том, что он несомненно скрывал от жены львиную долю довольства от, возможно, недавно изведенного сладострастия! Уж в этом-то Ядвига была уверена полностью! За пять лет она достаточно близко познала лицемерную натуру Леха Сакульского по части супружеской неверности.

С трудом скрывая раздражение, Ядвига как можно более спокойно спросила:

– Ну, и как вы, любезный мужёнок, провели время? Полагаю, очень скучали... по мне? – едва заметная улыбка, больше похожая на оскал, открыто выдавала язвительность вопроса.

– Да нет, не очень, – не стал лукавить Лех Сакульский и, воровато глянув в сторону кухни, где с посудой возилась Олеся, тихо добавил: – Не до этого было. Я, так сказать, весьма усердно справлял данное мне супругой... гнусное поручение.

«Издевается!» – без труда поняла Ядвига и с сарказмом ответила:

– Судя по вашей светящейся личине, не такое уж и гнусное для вас было поручение. Да и справились ли вы с ним – вот в чём ещё вопрос.

Пожав плечами, Сакульский неопределённо развёл руки.

– Сказать по чести, было весьма сложно. Деревенская застенчивость отнюдь неохотно расстаётся с невинностью...

– Даже так! – негромко воскликнув, удивилась Ядвига. – Так вам, Лешенька, и тут повезло.

Сакульский заметно поморщился по поводу «Лешеньки», но насчёт везения спорить не стал.

– Думаю, – серьёзным тоном произнёс он, – всё должно получиться, как мы и задумывали. Ты должна быть довольна.

Ага, ещё как довольна! Видя перед собой сияющее лицо супруга, Ядвига наполнялась ядом ревности, и мысли её уже стучались в сознание с другой стороны: «А ты не такая уж и простушка! – лихорадилась женщина. – Глянь-ка, как ублажила хозяина! Не-ет, это ни в какие ворота уже не лезет! Ох, чует сердце, не к добру твоё двуличие. Ну да ладно, дорогуша... теперь за тобой глаз да глаз будет». Снова взглянув на Сакульского, супруга тут же мысленно продолжила: «Да и с тебя тоже сейчас глаз не спущу...»

Уж кто-кто, а Ядвига по жизни была явно не из слепцов – она давно заметила, как её благоверный тайком зарится на девку! И вот теперь ещё это блаженство в глазах! У некрасивой женщины вдруг стало разгораться жгучее чувство раздражения из-за того, что какая-то батрачка может доставить наслаждение такому мужчине, как Лех Сакульский, а вот ей этого не дано!

В душу Ядвиги начала было ломиться самая страшная животина на земле – жаба зависти, но здравый рассудок всё же возобладал над чувствами, и женщина решительно пнула незваную гостью.

Прежде всего – задуманное дело!

Вернувшись мыслями к уверению Сакульского, Ядвига отрешённо произнесла:

– Дай-то бог, чтоб... уже... всё получилось.

Глава 7

Олеся шла чуть позади хозяйки. В руках она несла большую и довольно тяжёлую корзину, едва ли не доверху наполненную закупленными продуктами – в основном овощами, фруктами и аппетитной выпечкой.

– Осталось купить только свинины. Возьмём кусок разрубка, сердце и лёгкое, – сказала Ядвига Наумовна и направилась к мясной лавке, видневшейся шагах в пятидесяти впереди.

Увидев, сколько ещё нужно тянуть корзину до лавки, а затем более тяжёлую – обратно, Олеся поморщилась. Её руки и так уже едва не отваливались от ноши.

Перехватывая корзину из одной руки в другую, служанка непроизвольно издала тихий грудной стон-вздых.

Ядвига Наумовна, видимо, услышала – оглянулась.

– Вот если бы ты выполнила позавчера моё поручение, – холодно произнесла она, – то сегодня бы не таскала такой груз.

– Так я ж ещё даже не знала, где и что лучше покупать, – виновато оправдывалась Олеся. – Да и пан Сакульский забыл прочитать мне список...

«Да уж, забыл! – мысленно съязвила женщина. – Скажи лучше, что вам не до моего наказа было!» Но даже если б Ядвига Наумовна произнесла это вслух, Олеся наверняка бы пропустила колкость мимо ушей, потому что в этот момент она была на грани обморока! Едкий запах

ванильной выпечки, казалось, из кожи лез вон, чтобы через тошнотворные позывы вывернуть нутро беременной девушки.

Скользнув пренебрежительным взглядом по горничной и ничего не заметив, Ядвига Наумовна ещё быстрее загарцевала к мясной лавке.

Олесе стало совсем плохо. Она едва не уронила корзину от подступившей тошноты. «Вот и началось! – с ужасом подумала девушка. – Слишком рано для мнимой беременности! Как раз только этого и не хватало!»

Задержав дыхание, она быстро нагнулась и затолкала приятно пахучие коврижки и булочки под овощи, почти на самый низ корзины. Резко распрямившись, Олеся едва не рухнула наземь. Голова кружилась. Лицо стало бледным, как у новоявленного мертвеца. И всё же, сжав зубы и волю, горничная стойко держалась.

С высокомерно поднятой головой Ядвига Наумовна уже подходила к лавке. Оглянувшись на отставшую служанку, она недовольно фыркнула, но всё же приостановилась, чтобы подождать её.

Наконец Олеся тоже добралась до мясной лавки. Поставив корзину на скамейку у входа, девушка расправила спину и попыталась было отдышаться, но от доносившегося из лавки запаха её замутило ещё сильнее.

– Ну, чего стала? – уставившись на горничную, нахмурилась хозяйка. – Или тебя подгонять надобно? Давай скорее. И так уже долго ходим.

– Я сейчас... Уже иду, – совсем упавшим голосом проронила Олеся и с обидой подумала: «Вот и кончилась твоя доброта! Да уж... И так почти всегда: кось-кось – да в оглобли! Что ж быстро-то так? – и тут же похолодела от страха. – А может... Неужто догадалась?!»

Но, мгновенно перебрав в памяти своё поведение за последнее время, девушка несколько успокоилась: ни единого повода для подозрения она не давала!

Олеся взяла ненавистную корзину, сделала несколько шагов вслед за хозяйкой и вдруг замерла. На неё нахлынул ужас: при виде туш и от запаха внутренностей ей уже точно не сдержаться.

– Тебе что, плохо? – оглянувшись и заметив бледность Олеси, почти встревожилась хозяйка.

Ядвига Наумовна заволновалась вовсе не за здоровье служанки – для неё было более важно здоровье роженицы.

Олеся испугалась! Не сдержаться и открыться сейчас, да ещё хозяйке – значит, погубить не только всю затею, но и себя тоже!

– Не, всё добре, – как можно бодрее ответила она. – Устала просто малость.

Ядвига Наумовна ещё некоторое время подозрительно приглядывалась к девушке.

– Ладно, пойдём в лавку, вместе выберем, что купить. Да запоминай что и как – потом сама будешь всё это покупать.

Ядвига Наумовна скрылась за дверь.

Перед тем как войти за ней, Олеся перекрестилась и прошептала: «Господи, помоги», – и ей сразу же стало... ещё хуже! От обиды и отчаяния девица тихо, но озлобленно помянула нечисть: «Чёрт! Ну хоть бы ты, что ли, помог!» Но чёрту, видать, тоже было не до земных страданий – никто не кинулся бедняге на помощь...

Едва держась на ногах, Олеся зашла в лавку.

И надо же было такому случиться, чтобы именно в этот момент через заднюю дверь начали вносить свежерезделанную свиную тушу, требуху, голову и что-то ещё. Совсем недавно всё это было единым целым. И живым.

От тошнотворного духа парных внутренностей живот Олеси сотрясся от рвотного позыва, спёрло дыхание. Ладонкой зажав рот и нос, девушка невероятным усилием едва сдержалась, но лучше ей не стало – глаза начали медленно подкатываться! Ватные ноги уже готовы

были подкоситься, как вдруг утративший ясность взгляд зацепился за тоненькую струйку крови, не успевшую застыть и сочившуюся по разрубленному позвоночнику полутуши.

Олеся так и не поняла, что с ней произошло, но, забыв вдруг о приступе тошноты, она немигающим взглядом просто впиалась в кровавый потёк! В эти бесконечно долгие мгновения она напрочь забыла обо всём на свете, да и ничего вокруг не замечала тоже. Однако взгляд её быстро становился всё более ясным и осмысленным. Дальше – больше! Зрачки красавицы расширились, ноздри раздувались от возбуждённого дыхания, сердце металось в груди, готовое вырваться наружу.

С беременной девушкой происходило что-то необъяснимое!

Олеся не могла оторвать взгляд от крови и вдруг прямо-таки вживую почувствовала, как это плотоядное созерцание непонятным образом начало благотворно сказываться на её самочувствии. Тошнота исчезла совсем! Это было дико и непостижимо!

Олеся вдруг ощутила, как внутри, под ложечкой, заполоскалась слабая мелкая дрожь, и сразу же вслед за этой дрожью пошло какое-то тепло! Сильное тепло! А ещё через мгновение уже просто горячий прилив обдал жаром всё тело! Прилив, перевоплощающий нутро и наде- ляющий тело силой, а разум – ясностью и уверенностью!

Ещё несколько мгновений с Олесей творилась необычайно странная ломота в суставах, а затем на неё и вовсе вдруг нашло неподвластное разуму возбуждение!

Наверное, такое чувство захватывает хищника, когда он из засады наблюдает за жертвой, настолько уже приблизившейся, что ни единого шанса на спасение у неё уже нет. Невероятно, но это чувство было для девушки сладострастным и пугающим одновременно.

Всё ещё держа в руке нагруженную корзину, Олеся уже совершенно не чувствовала её тяжести. Неизвестно, что могло бы произойти дальше, но раздавшийся голос хозяйки вывел её из этого странного преобразования.

– Давай корзину сюда, – строго произнесла Ядвига Наумовна. – Ну что ты там застыла? Или тебя опя... – глянув на горничную, женщина осеклась и вытаращила глаза: у служанки был вид человека явно не от мира сего.

Олеся вздрогнула. Она словно очнулась от необычного сновидения. Странное ощущение-видение улетучилось, да вот только чувствовала она себя всё так же взбудоражено, а самое главное – превосходно...

Казалось бы, радуйся красавица, приступ тошноты прошёл – всё хорошо! Да не тут-то было! Может быть, какая-нибудь дурница и порадовалась бы этому, но у Олеси мозгов хватило, чтобы понять, что с ней сейчас неспроста творится какая-то чертовщина!

Первая мысль о возможной причине – и Олесю бросило в холодный пот! Ей стало ясно: и сейчас, и у Хомчихи – явно не Божий промысел! А если не Божий, то выходит...

– С тобой... всё в порядке? – почти шёпотом встревоженно поинтересовалась Ядвига Наумовна.

– Угу... в порядке, – сконфузилась Олеся, а от страшной догадки её кожа стала гусиной, покрывшись пупырышками.

Без усилий неся по улице доверху нагруженную корзину, горничная поймала на себе несколько обескураженных взглядов хозяйки. Из-за мрачных дум она и сама не заметила, что совершенно не чувствовала в руках тяжёлой ноши. Заметив излишнюю подозрительность Ядвиги Наумовны, Олеся начала притворно пыхтеть и гнуться от «непосильной» тяжести корзины.

Зато тревожные мысли её пыхтели и тужились не притворно, и вскоре они уже в который раз подбирались к одному и тому же пугающему умозаключению: какая-то сила явно оберегает её, а вернее того, кто у неё внутри!

Но так не должно быть! Ничего подобного не происходит при обычной беременности! «При обычной...» – обречённо прошептала несчастная девушка...

Глава 8

Прошёл почти месяц, как Олеся стала прислуживать в семье Сакульских.

Беременность всё больше давала о себе знать. В последние дни девушке каким-то чудом ещё удавалось скрывать участившиеся приступы тошноты и головокружения, но она отлично понимала, что день-два, ну пускай немного больше, и её тайна всё равно раскроется.

А тут ещё пан Сакульский не давал проходу, и даже в кратковременные отсутствия Ядвиги Наумовны он прямо-таки преследовал горничную своими домогательствами. Настойчивости пана Сакульского многие ловеласы могли бы позавидовать. Ещё раза два он добивался своего. И чего уж тут лукавить – сердцу Олеси пан Сакульский не был противен и даже наоборот. Но девушке надо было как-то приспособливаться, как-то «выживать», и ей поневоле пришлось затеять свои игры.

Олеся теперь опасалась лишь одного: если раньше времени раскроется её связь с хозяином, то задуманный план уже точно не сработает. И ведь для опасения причина была! С каждым днём у Олеси всё больше крепло подозрение, что хозяйка в последнее время всё же о чём-то догадывается – если она выезжала из дому больше чем на час, то только в паре с супругом. Странно.

Эх, красавица! Да хозяйка не только знала об изменах благоверного, но давно заметила и признаки твоей беременности! Вот только в отличие от твоих опасений, у неё были свои – слишком рано тебя начало мутить!

О сроках не раз думала и сама Олеся. Однако совсем уж некстати, она словно потерялась во времени. В зависимости от многих причин девушке иногда казалось, что прошла вечность, как она стала горничной, а иногда, напротив, чудилось, будто её первая встреча с богатой четой и вовсе произошла только вчера.

«Треклятая беременчатость, сколько ж тебе дней?!» – злилась Олеся на действительную беременность и в который уж раз пыталась тайно вычислить точный срок. Особенно сейчас это было очень важно: нужно было сопоставить сроки настоящей беременности и мнимой, чтобы и разбежка была как можно меньше и признаки при «оглашении» ложной беременности соответствовали сроку. Ну, с мнимой-то беременностью было гораздо проще, а вот с «волчьей»...

В доме хоть и был календарь, но для почти неграмотной деревенской девицы исчисление дней давалось весьма и весьма затруднительно, а посему и срок каждый раз выходил разный. Да и само время при подсчётах как будто нарочно норовило запутать след, петляло, а то и вовсе затягивалось в такие узлы, что приходилось снова и снова считать всё заново.

Но как бы то ни было, а Олеся нутром чувствовала, что подходит самая пора – пора припугнуть пана Сакульского! Только такой неблагоприятный поступок мог спасти её от нищенского прозябания, по крайней мере, хотя бы на первое время. Деваться горничной было просто некуда.

В душе Олеся понимала, что снова, вопреки данному зароку, совершает обман, совершает грех. Но она успокаивала себя тем, что от этого греха никто особо не пострадает и совершён он будет только ради и во благо будущего ребёнка.

Олеся с превеликим нетерпением ждала удобного случая, и вскоре он представился.

Ядвига Наумовна вышла во двор и со спокойной душой любовалась поздними цветами в палисаднике. Особое умиление у неё вызвали настоящие королевы осени – хризантемы. Однако вскоре у неё возникла обидная мысль: «Все хризантемы на клумбе – глаз не оторвать. Вот почему бы и людям тоже не быть всем красивыми? Несправедливо как-то...»

Ядвига снова сокрушалась о своей невзрачности, да вот только о красивых хризантемах как о цветах она по обиде думала обобщённо. Хризантемы – это всего лишь один сорт ярких

цветов. Природа же настолько богата разнообразием форм, видов, пород и, в конце концов, рас, что по одному сорту цветов или по одному человеку судить о её несправедливости – глупо.

Пока хозяйка в палисаднике заставляла своё самолюбие горевать из-за предвзятости окружающего мира, горничная в доме пыталась заставить хозяина горевать по более житейской причине.

– Пан Лешек, я... – с дрожью в голосе взволнованно обратилась Олеся к хозяину. – Я... тут такое...

Отложив газету, пан Сакульский удивлённо посмотрел на горничную. Увидев её смятение, он живо встал с софы и, опасливо бросив взгляд на дверь и в окна, взял девушку за плечи.

– Что случилось, милая?

– Ох, не называйте меня так... – всхлипнула горничная. – Беда... Беда стряслась...

– Да ты не волнуйся, – пытался успокоить девушку пан Сакульский. – Какая беда?

Олеся молча смотрела на хозяина. Сквозь слёзную пелену в её глазах читались страх и мольба.

– Пан Лешек... я... я... Боже, что ж мне теперь делать? – волнуясь, служанка всё время сбивалась с мысли.

– Говори.

Пан Сакульский с тревогой смотрел в прекрасные глаза.

Ещё раз всхлипнув, Олеся наконец виновато проронила:

– Я беременна...

Девушка стыдливо опустила голову.

Выдержав несколько секунд для пущего результата, она со скрытым интересом исподлобья глянула на пана Сакульского. Глянула и... оказалась немало разочарована: в облике женатого мужчины не было ни тени испуга от известия о беременности любовницы! Глаза его лучились спокойствием и даже, как на мгновение показалось Олесе, радостью.

Чего-чего, а вот такого девица никак не ожидала, и это её сильно озадачило!

«Если пан Лешек не испугался, – лихорадочно соображала она, – то вся моя затея и ломаного гроша не стоит! Что-то тут не так! Что-то упустила! Но что?! В чём же промашка вышла?!»

Ответы искать времени не было, да и отступить было уже поздно.

«А может, он просто не понял?» – мелькнула надежда, и Олеся снова решила надавить на непонятливого хозяина.

– Пан Лешек, у меня будет дитё... от вас, – горестно выдохнула служанка.

Вот теперь на лице пана Сакульского вроде бы промелькнула тень тревоги. Это вдохновило Олесю.

– И что ж мне, сердешной, делать-то теперь? – жалобно заскулила она. – Остается только в земельку сырую сховаться... от срама несусветного?

– Ну, ну, успокойся, – Сакульский погладил Олесю. – Не плачь, любезная, не плачь. Я придумаю, как нам лучше поступить.

Олеся ещё раза два шмыгнула носом, вытерла слёзы и подняла взор на пана Сакульского – у хозяина никакой паники!

Поняв, что её уловка разжалобить хозяина, похоже, не удалась, Олеся зашла с другой стороны.

– Скоро всё станет известно... – испуганно произнесла она. – Думаю, Ядвига Наумовна будет в ярости, когда узнает о нас.

Горничная в упор смотрела в глаза господина. В её взгляде было столько укора, что Сакульскому впору бы платком с лица его смахивать, да и всему отряхиваться, а он стоит себе, едва не ухмыляется. Это Олесю уже разозлило.

– Она меня вышвырнет из дома, – уже более твёрдо сказала она и совсем уж решительно продолжила: – Вот только кажется мне, что и вам достанется тоже.

– Олеся, солнышко, успокойся, ты не покинешь наш дом, – тихо промолвил Сакульский. – Я этого не допущу.

«Ну конечно! – мысленно вспыхнула девушка. – Где ещё найдёшь такую дурочку... красивую!»

Тыльной стороной пальцев пан Сакульский провёл по щеке Олеси, вытер слезу.

– Не волнуйся, милая, – уверенно сказал он. – Почти из любой западни всегда можно найти выход.

Он обнял девушку и нежно прижал к груди.

– Особенно если с этой западнёй стоять рядом... а не в ней маяться, – слезилась Олеся. – Есть только один выход...

Мужчина отстранился и, держа девушку за плечи, заинтригованно воззрился на неё.

– Я должна уйти... немедля. Тайну нашу я унесу с собой. Но мне надо будет... на что-то жить и растить нашего ребёнка... Вы должны мне помочь...

– И что, по-твоему, я должен сделать?

– Без грошей и я пропаду... и дитё.

– Деньги, значит, тебе нужны, – удивился Сакульский решимости служанки. – Ну и сколько ж тебе нужно? – уже ради интереса спросил он.

– Тысяча, – ответила горничная и, помедлив, неуверенно добавила: – Пока тысяча...

Сакульский в изумлении вскинул брови. Глядя во все глаза на девушку, он быстро понял, что она явно не представляет, сколько это денег «тысяча рублей».

– Деньги немаленькие, – спокойно сказал он. – И как ты намерена распорядиться ими, куда подашься с этой тысячей?

Только теперь Олеся вдруг поняла, что она ещё совершенно не задумывалась, куда пойти и что делать после того, как получит деньги. Совсем смутившись, девушка пожала плечами.

– Пока не знаю...

– А хочешь, я тебе скажу, что будет дальше, когда ты уйдёшь с деньгами?

Олеся подняла глаза – в них через край плескалась тревога.

Помедлив, пан Сакульский продолжил свою речь:

– Не пройдёт и двух-трёх дней, как ты непременно останешься без денег. Уж поверь мне, на улицах ушлых людишек с тёмной душой хватает, и они быстро поймут, что у тебя есть чем поживиться. Такой шанс мошенники ни за что не упустят... Ну а дальше... Полагаю, ты и сама можешь догадаться, что будет дальше. Одна, ни друзей, ни знакомых, без денег... Да ещё и... – пан Сакульский не стал продолжать, не хотел ранить девушке и без того израненную душу.

Слеза тихо скатилась по девичьей щеке. Слезы были в душе, слёзы были на сердце. Противиться судьбе у Олеси уже просто не было сил, но она собрала волю в кулак и тихо сказала:

– Пани Ядвига всё равно выгонит меня из дома. Лучше уж я сама... Она была добра ко мне, а я... Мне очень стыдно перед ней.

Олесе и в самом деле было стыдно за новый обман, за новое притворство и за старую роль, которую безжалостная судьба опять заставляла её играть против воли. Вот только этой ролью девушка уже была сыта по горло. Всею душой она старалась быть благочестивой, но словно какой-то бес снова и снова норовил втравить её в дела несправедные.

Совершенно неожиданно для себя Олеся вдруг передумала о первоначальном своём плане и решила не впутываться в рискованную игру. Не хотела она обрастать новыми грехами, ведь старые ещё не замолила!

– И даже если вы не поможете мне, – решительно сказала она, – я всё равно уйду. Не хочу, чтоб у вас были ссоры из-за меня.

Пан Сакульский смотрел на девушку в некотором замешательстве. У него в голове раз за разом звучали только что услышанные слова: «...я всё равно уйду. Не хочу, чтоб у вас были неприятности из-за меня».

Да уж, не думал дворянский отпрыск, что девица из деревни способна на благородный поступок, вернее, на самопожертвование.

Пан Сакульский некоторое время уговаривал горничную одуматься, но Олеся упрямо стояла на своём.

Помолчав, Лех Сакульский вдруг насупил брови.

– Никаких денег ты не получишь... – сказал он.

Комок в горле сдавил дыхание Олеси, на глаза новой волной навернулись слёзы. Что ж, она предполагала и такой ответ.

А пан Сакульский, схватив девушку за плечи, с жаром продолжил:

– ...потому как никуда ты не пойдёшь. Во всяком случае, пока. Я подумаю, как нам быть, и завтра дам тебе ответ. А сейчас иди к себе и успокойся.

Насилу сдерживаясь, чтоб не разрыдаться во весь голос, Олеся повернулась и в безмолвии удалилась в свою комнату, больше похожую на чисто прибранный катушок.

Пан Сакульский молча проводил горничную взглядом и мрачно подумал: «Вот такого-то мы и не допускали. Интересно, что скажет Ядвига?»

Супруги Сакульские допоздна шептались и спорили, временами переходя на повышенный тон.

Лех Сакульский всем сердцем запал на красавицу горничную, поэтому в очередном замысле Ядвиги ему всё было не по нутру. Скрывая истинную причину, он всячески старался незаметно защитить Олесю. Да где ж ты скроешь от ревнивой жены правду, коль эта правда так и лезет шилом из мешка!

Ядвига напряжённо размышляла о чём-то своём. Наконец, совершенно не обращая внимания на просьбы супруга, она жёстко произнесла:

– Если не передумает, сделаем, как я сказала, – отрезала Ядвига. – У меня и человек подходящий есть. Пусть уходит. Это будет ей хорошим уроком на будущее. Чтоб не повадно было впредь.

От слов женщины и от недоброго блеска её глаз у Леха Сакульского даже холодок зазмеился по спине. Ох и не нравилась ему затея Ядвиги!

– Ладно, – нехотя согласился он. – Только человек твой пускай того... поделикатней там... Всё-таки ребёнок-то мой... то есть наш.

Ядвига Наумовна согласно кивнула и некоторое время сидела в задумчивости. В голове кипело от возмущения. Мысли упрямо лезли одна на одну, словно жабы на корч, и женщина, наконец, не выдержав, злобно прошипела: «Ишь ты, денег захотела. Получишь ты у меня тысячу...»

Тяжёлые раздумья всю ночь не давали Олесе сомкнуть глаз, и лишь только перед рассветом ей всё же удалось забыться в тревожной полудремоте. Но сомнения и страх перед неизвестным будущим не отпускали сознание даже во сне. Зато мудрое утро убедило Олесю в правильности её вчерашнего неожиданного решения: ей лучше самой уйти из этого дома, пока не заварилась постыдная каша. Спору нет: утро, конечно, мудренее вечера, но ведь оно-то не было в курсе того, что люди затеяли коварную игру с самой Судьбой. Наивные!

Наутро, улучив момент, когда Ядвига вроде как «по делу» снова вышла во двор, пан Сакульский подошёл к горничной.

Разбитая и подавленная Олеся на кухне заканчивала готовить завтрак. Не поднимая глаз, она застыла в напряжении.

– Доброе утро, – поздоровался Сакульский.

– Здравьете, – едва слышно прозвучало в ответ.

– Олеся... я почти всю ночь размышлял... – «неуверенно» начал пан Сакульский, уверенно играя свою роль, – и вот что я предлагаю...

Девушка замерла, словно в ожидании приговора.

– Если уж ты окончательно решила уйти, то я, безусловно, помогу тебе, но... – сказал Сакульский и, взяв горничную за плечи, бережно повернул к себе. – Но тебе нужно будет где-то жить. Полагаю, за день-два я подыщу тебе подходящее жильё. Что касается денег... прости, но я не смогу втайне от Ядвиги Наумовны дать тебе такую сумму. А главное, я очень опасаюсь, что с такими деньгами с тобой может приключиться какая-нибудь беда. Поэтому для начала я дам тебе рублей пятьдесят, а потом буду навещать тебя и приносить ещё деньги. Поверь, я твёрдо намерен заботиться о тебе и о нашем ребёнке.

Ничего этого не будет! Всё это наглая ложь! Вводя девушку в заблуждение, Сакульский чувствовал себя отвратительно. Он готов был с радостью опекать её, но на данный момент всё же искренне верил, что будет лучше так, как задумала шельмоватая супруга.

– Благодарствую... – тихо пролепетала Олеся и наконец-то перевела дух.

Сердце девушки томно зачастило. О таком повороте она даже и думать не смела. Сам пан Сакульский будет заботиться о ней! О ней и о... «О, Господи!» – едва не вырвалось у Олеси, когда она подумала о том, кого может родить.

Красавица стусевалась. Сакульский приподнял голову Олеси и посмотрел ей в глаза.

– Но уходить тебе надо будет поздно вечером, когда Ядвига Наумовна уснёт, – сказал он.

Олеся крайне удивилась. Она, наоборот, рассчитывала уйти утром, чтобы за день осмотреться и определиться.

Горничная вопросительно посмотрела на хозяина.

– Поверь, – упредил он её возражение, – так будет лучше. И вот ещё что...

Олеся молча слушала пана Сакульского и видела, что он заметно нервничал.

– Обещай, – с жаром говорил мужчина, – что если вдруг случится какая-либо неприятность или беда, ты непременно вернёшься к нам. С Ядвигой Наумовной я всё улажу. Поверь, в душе она добрый человек.

Сказав последнюю фразу, Сакульский невесело подумал: «Такие добряки в тихом омуте водятся».

Выбора у Олеси не оставалось. Хотя в предложении пана Сакульского некоторые моменты и выглядели малость подозрительными, она согласилась без раздумий.

Как бы то ни было, но это лучше нищеты в Берёзовке и намного лучше язвительных высказываний местных склочниц о зазорном дитяти...

Глава 9

Из заново переделанной запруды вода вырывалась бурным потоком и нижним боем сердито ударяла в лопасти водяного колеса. Скрипело задорно колесо, дразнило воду, мол, давай, не ленись, налегай сильнее.

Ещё больше злилась вода, не могла ускорить своё течение, потому как человек придумал ловкий затвор и, надёжно обуздав поток, сам решал, когда придать воде силы.

Ефимка Асташов любил смотреть на kloкочущую воду, через лопасти передающую свою мощь сначала водяному колесу, а затем и каменным жерновам, вернее, верхнему из жерновов, так называемому бегуну.

Да-а, немало сил пришлось приложить новому хозяину мельницы для наладки шестерён, валов и приспособлений всяких. Хотя и молод был Ефимка, да руки золотые имел. Иные строительным наукам и навыкам многие годы учатся и то не всегда сообразят, как избу срубить, а у Ефимки это в крови – глянет, бывало, на шестерню какую в мельнице и тут же прикинет, как половчее её установить. Вот поэтому вскоре и пошла слава по округе, что мельница Ефимки

Асташова лучше всех остальных мельниц мелет. Да и за помол новый хозяин не дерёт безбожно.

И только теперь, когда жернова безотказно разжёвывали зерно, Ефимка мог позволить себе в редкие минуты отдыха застыть у воды в задумчивости. А задуматься было над чем...

В который уж раз он снова и снова перебирал в памяти и по всякому тасовал тяжёлые мысли о самом ужасном периоде своей жизни, к счастью, уже прошедшем. Казалось бы, ну всё уже понятно, всё ясно, а главное – всё позади, однако с неделю назад какое-то дурное предчувствие забралось в душу и довлело над ним денно и ночью. Причиной этому стала неожиданная находка.

Лучше бы он сидел дома в тот день, неделю назад, и не ходил бы в Волчий мох! Теперь Ефимка до жути опасался, что самое худшее, приключившееся с ним несколько месяцев назад, может снова повториться...

Но всё по порядку.

Беды и неприятности у Ефимки начались более чем с полгода назад, с того вечера, когда его возлюбленная Олеся со слезами сообщила, что родители надумали отдать её старому мельнику в жены. Поверить в это потрясённый Ефимка не мог и не хотел! Однако в глубине души действительность пугала безмерно, ибо он прекрасно понимал, что такая красивая девица, как Олеся, достойна более знатного жениха, нежели он – бедняк и бедокур.

Но не старого же мельника ей в мужья!

Мало того что юность попала в такой переплёт, так ещё и после новости о мукомоле ревность со вспыльчивостью плеснули масла в огонь – Ефимка и Олеся напрочь разругались, наговорив друг другу обидных слов.

Вскоре Олеся вошла в дом старого мельника, пообещавшего отцу юной жены не только безбедную жизнь, но и помощь в избавлении от нечисти, положившей глаз на их семью. Разумеется, никакой свадьбы и даже званого вечера не было – просто люди вволю почесали языками, отметив это странное событие. Ну очень уж невеста была молода!

Всё бы, конечно, было ничего, но за последние несколько лет Олеся оказалась уже четвёртой супругой мельника. Старый жених с каждым разом брал всё более молодых девиц, которые с первой беременностью по непонятным причинам, так и не разрешившись, покидали мир земной. Это было настолько странно, что наводило людей на весьма подозрительные умозаключения, а уж новоиспеченную жену эта зловещая тайна пугала невероятно. Однако бедность и внимание нечисти для родных Олеси оказались страшнее.

Неведомое чудовище в Волчьем мху в то время разнуздилось несказанно, и, на беду Олеси, а может и на счастье, её старик-муж спустя три дня совместной жизни вдруг пропал. Многие решили, что он стал жертвой нечисти, а некоторые и вовсе полагали, что это работа Ефимки – причина-то ох какая веская имелась!

А к этой, казалось бы, явной причине пиявкой присосалось и главное чувство всей округи – страх! Ведь гораздо спокойнее, когда душегубом окажется обыкновенный человек, чем признать существование чудища под самым боком.

Мельник сгинул, и Олеся оказалась изрядно растеряна и напугана зловещим происшествием.

Однако её мать, грубая и алчная женщина, первая тогда сообразила и втолковала дочке всю выгоду пропажи старого муженька.

Ефимка воспытал было надеждой на примирение с возлюбленной, однако в лакомый кусочек – на весь уезд самой красивой, молодой и богатой вдовушки – коршуном вцепился приехавший в Берёзовку на побывку паныч Зибор.

Для бедняка Ефимки Асташова места рядом с любимой не оказалось. А дальше и вовсе пошла полоса чудовищной несправедливости.

Поддавшись коварным уговорам Зибора, Олеся оклеветала Ефимку, будто он грозился порешить её мужа, старого мельника. Односельчане с преобладающей охотой поверили. Пока шли пересуды, погиб батька Олеси. И снова мотив налицо – месть! И снова лживые слова Олеси, вившей Ефимку и в этом смертоубийстве.

Прибывшие полицейские арестовали Ефимку и при обыске нашли у него необыкновенный, внушающий трепет и почтение нож, предназначенный явно не для ножен голытьбы! Объяснить, откуда у бедняка такой нож, Ефимка не мог...

И вот сейчас, предавшись воспоминаниям, он часто вздыхал, вздыхал гневно. События тех дней давили его горечью. Он до сих пор не мог поверить, что можно так легко сломать жизнь ни в чем не повинному человеку.

Наивный! Так было, есть и так будет до тех пор, пока для власть имущих жажда собственной наживы будет важнее чужих страданий!

Однако Ефимке тогда неимоверно повезло. Вместе с приехавшими к нему на помощь дядькой Прохором и тёткой Яниной прибыл и опытный следователь из столицы. Он взялся помочь приватно. Однако ограниченность во времени и круговая порука подкупленных полицейских не позволили докопаться до истины. Но главное – это удалось установить точно, что в убийствах явно просматривался след... оборотня!

Ни люди, ни полицейские не хотели верить в это. А может, просто боялись...

В любом случае Ефимку ожидал предвзятый суд, тем более что и следователю из столицы пришлось уехать.

Суд...

После всего пережитого Ефимку лишь при одном этом слове нервно корбило.

Эх, и поизголялась над ним жизнь в те дни! Уже и петлю на шею накинула, осталось было только упор из-под ног выбить, а стало быть, вынести смертный приговор на купленном суде! Да вдруг опомнилась судьба-упырица, видать, сообразила, что не над кем будет потешаться потом, пожалела себя – в самый последний момент на суд из Петербурга снова прибыл тот самый следователь с какими-то бумагами, и дело, шитое белыми нитками и взятками, начало трещать по всем швам. Оправдали Ефимку Асташова. Все обвинения в душегубстве отменили, да и устроителей травли изобличили! Обоих прямо тут же в суде и выявили! Один из благородных оказался, безбожник паныч Зибор. А другая...

Ефимка тяжело вздохнул. Мысль об Олесе больно полоснула по сердцу, и события недавнего прошлого непрошеными гостями снова ломанулись в сознание.

Какой же сладкой показалась ему воля после суда, когда уже не было надобности возвращаться в тюремную камеру!

Да не успели с рук сойти следы от кандалов, как судьбине вновь захотелось повеселиться – столкнула хлопца с проклятием урочища Волчий мох, а вернее, с оборотнем!

С давних пор в Волчьем мху время от времени происходили необъяснимые события, наводящие ужас на всю округу. И хотя люди упорно не хотели верить в худшее, однако чуткое нутро со страхом нашептывало, что в урочище всё же обитает какое-то Зло! Однако что это за Зло – никто не видел, никто не знал. А если кому-то и приходилось встретиться с этим исчадьем ада, тот уже никому ничего не мог рассказать – земля ему была пухом.

От такой безысходности люди хотели всё свалить на Ефимку! Всё ему приписать! Так было бы гораздо спокойнее! Не вышло. Глупцы! Даже не удосужились задуматься, а нечисть-то та куда денется? Ведь правда, заляпанная грязью лжи, никуда не исчезнет и рано или поздно всё равно выйдет на свет!

Вот в урочище Волчий мох и вылезла наружу эта правда! Вынырнула из чащобы со свирепым оскалом волколака. В глубине души многие были уверены в существовании жуткой нечисти, но чтоб такое чудовище обреталось на свете Божьем, никто и предположить не мог!

Обозом в тот день ехали – в одиночку давно уже никто не отправлялся по этой дороге.

Под ударом оборотня первым на землю рухнул пожилой крестьянин, оказавшийся с краю. После него чудище бросилось к остальным...

Как только Ефимка встретился тогда взглядом с ним, так уж и о виселице за счастье было помечтать! Но деваться было некуда – пришлось схлестнуться с оборотнем. Несдобровать бы тогда Ефимке, да благо пришлый цыган на выручку пришёл, в роковую минуту заветный нож с серебром на лезвии в руку вложил.

Ох и знаком же был хлопцу этот нож...

А цыгана Михеем звали. Да, именно звали... Знахарем добрым был тот цыган. Был и не стало человека... Одним взмахом располосовал его оборотень. Но этого времени хватило Ефимке, чтобы тоже замахнуться...

Верный получился удар. В самое сердце звериное со всей лютостью вогнал тогда Ефимка клинок. Грех было промахнуться, коль человек жизнь отдал за этот шанс.

А дальше началась такая чертовщина, что и словами не передать!

Не успела нечисть испустить дух, как вид её начал принимать человеческое обличье. Люди и так были до смерти напуганы, а тут вдруг ещё такая омерзительная картина им предстала!

Бабы в обморок падали, кому-то нутро в тошнотворном приступе выворачивало, а кто-то отводил взгляд и поскорей отбегал подальше.

В Ефимке все ещё клокотала ярость, поэтому смотрел он на поверженного волколака с каким-то малость затуманенным сознанием. Лишь широко раскрытые глаза выдавали его невероятное потрясение.

Принимая человеческий облик, оборотень кукожился с всё ещё торчащим из груди ножом, вытягивался в судорогах, суставы хрустели и выворачивались. Шерсть дыбилась, шевелилась и, казалось, тонюсенькими червями лезла обратно под кожу, прячась от света и людей, – смотреть на такое зрелище было под силу далеко не каждому.

Даже издыхающий волколак наводил на людей смертный ужас.

Но как бы ни были напуганы селяне, вскоре всех их окончательно сковала оторопь: чудовище, корчась в конвульсиях, наконец превратилось в обыкновенного человека... в знакомого всем мельника!

Вот тогда-то Ефимка многое и понял. Ведь все думали, что мельник стал одной из жертв нечисти, а тут оказывается он и есть сама эта нечисть и, что-то затеяв, некоторое время скрывался в Волчьем мху. Чем-то крепко держало его это место.

Да и на обоз решился днём напасть, видать, неспроста.

И тогда Ефимку осенило: здесь, в веренице телег, ехала Олесья. Похоже, именно она и нужна была мельнику! Ведь убив первого крестьянина, волколак сразу ринулся было за ней, а Ефимка преградил ему путь. Остаётся только догадываться, что стало бы с Олесей, если б он настиг её. Мельник-оборотень наверняка прознал, что молодая жена сразу после его пропажи связалась с проходимцем панычем...

Хотя многое из цепочки событий и встало на свои места, но загадок всё равно оставалось ещё немало, особенно насчёт цыгана Михея и того необычного ножа-кинжала, да и насчёт Олеси тоже.

В Берёзовке смурной и вечно угрюмый на вид Михей появился по приглашению местного пана Ружевица и сразу был назначен на шибко завидное место – панским конюхом. Ну очень были удивлены березовчане таким выбором, потому как цыган Михей не только внешне был похож на лешего, но и поведение его было крайне странным.

Вскоре настороженное отношение к пришлому цыгану сменилось на более терпимое, когда выяснилось, что он отличный коновал, начавший безвозмездно оказывать селянам помощь в излечении домашней живности.

Однако лечил цыган не только снадобьями – больше шептал да замысловатые ритуалы проводил. Тут уж и дураку понятно – знахарь! На деревне таких людей не только уважают, но и побаиваются, особенно если знахарь себе на уме и его странное поведение не всегда можно постигнуть мужицким умом.

Но недолго люди мирились со странностями цыгана. Вскоре всем бросилось в глаза, что с его появлением в Берёзовке разыгралась и нечисть в Волчьем мху – снова до людской гибели дошло. Очень уж подозрительное совпадение! Но и это ещё не всё! Как только где-то случалось что-то плохое – рядом зачастую замечали диковатого цыгана! Вся округа стала уже не просто опасаться Михея, но даже случайных встреч с ним люди в страхе избегали, а в разговорах между собой в адрес конюха иногда даже звучала угроза.

Это уже после его гибели выяснилось, что он молча и по возможности скрытно оказывался там, где нужна была его помощь – помощь необычная, можно даже сказать, колдовская, особенно если угроза исходила от нечисти из Волчьего мха.

Несчастья приключались тогда часто, и без вмешательства странного цыгана всё наверняка заканчивалось бы гораздо печальнее, но такой расклад никому и в голову не мог прийти! Наоборот, во всех бедах винили Михея! А он и не оправдывался, он и дальше молча помогал людям – помогал безвозмездно, ничего не спрашивая и ничего не требуя...

После схватки с волколаком Михея похоронили у дороги, на месте его гибели. И однажды придя к нему на могилу, Ефимка увидел там красивую женщину цыганку и седого старика, её отца. Они были в глубокой печали.

Этих приметных цыган Ефимка знал и хорошо помнил.

Так уж случилось, что однажды задолго до ареста он вынужден был идти по шляху через Волчий мох в одиночку. Хотя дело было днём, однако в тенистом сумраке дубравы страх пробирал отчаянного хлопца до самых костей! И вдруг, на его удачу, в самом опасном месте проклятого урочища он повстречал цыган, ехавших в кибитках навстречу. Как же он был тогда рад!

Это только маленьких детей пугают цыганами, но Ефимка давно уже был не ребёнок, и цыгане для него в тот момент пришлись словно родные. Ну, может, не родные, конечно, но уж точно милее нечисти.

Кочевники ехали настороженно, видать, тоже были наслышаны о проклятом урочище. И каково же было их изумление, когда в этом опасном месте они повстречали путника, рискнувшего в одиночку сунуться в Волчий мох!

Уже разминувшись, Ефимка вдруг услышал оклик. Обернувшись, он увидел до жути пригожую цыганку, спешно идущую к нему.

Вскоре у Ефимки состоялся долгий и странный разговор с красивой цыганкой и седым стариком. Красавица дочь и старик отец разительно отличались от своих соплеменников как благородными чертами лица и статью, так и далеко не мужицкой речью. В каждом движении, в каждом их слове угадывалось достоинство. Они явно принадлежали к аристократии своего народа.

Из осторожных расспросов необычных цыган Ефимке стало понятно, что эта пара уже отчаялась в поисках нужного и, как они подчеркнули, отмеченного духами человека.

Духи духами, а тут даже сами загадочные цыгане кроме отваги, отметили в хлопце какую-то одним им видимую заветную искорку, поэтому ещё через некоторое время они уже открыто объявили Ефимке, что он и есть тот, кого они ищут...

А дальше и вовсе интересный разговор зашёл. Старик говорил о какой-то легенде, проклятии, о своём родовом предназначении и о... нечисти.

Ефимка понял далеко не всё, но его очень поразили слова о волколаке. Как поведал старый цыган, истребить это Зло должен только местный смельчак, а их удел – найти такого смельчака и помочь.

Вот тогда в урочище Волчий мох пригожая цыганка вместе со своим отцом и вручили Ефимке необычный нож с серебром в клинке. Проницательно глядя в глаза Ефимки, старик с важностью пояснил, что нож этот непростой и специально против местного чудовища заговорённый.

Размышляя сейчас о необычном ноже, Ефимка вспомнил, что при его аресте – ещё до схватки с оборотнем – нож тот полиция у него нашла и изъяла, да только он и у них непонятным образом исчез. Видимо, всё же Михей умыкнул его, он ведь конюхом был у пана, где следователи останавливались.

Не должен был тот нож оказаться в руках нечестных и корыстных людей.

И вот когда Ефимка недавно встретился с загадочной красавицей цыганкой и стариком у могилы Михея, для него оказалось полной неожиданностью, что приходился погибший родным братом женщине цыганке, а значит, и сыном старику. Выходит, этот цыган Михей был в курсе всего и, похоже, присматривал не только за Ефимкой, но и за таинственным ножом. Непростым оказался конюх Михей. Да и вообще этот род кочевников, судя по всему, был весьма и весьма непрост...

Память вынырнула из прошлого, и Ефимка хотел было уже отправиться на мельницу, но задумчивый его взгляд опять зацепился за бурный водный поток, и молодой мельник, словно замороженный течением, так и остался сидеть на месте. А тут и воспоминания нахлынули с новой силой и снова вынесли Ефимку к бывшей зазнобе своей – Олесе. И хотя думы эти в основном были нерадостны, однако сердце Ефимки возьмёт да и захолонет при мысли о красавице и поцелуях её сладких. Вот только поцелуи те оказались поцелуями Иуды...

Ефимка не раз ловил себя на мысли, что невольно стремился как-то выгородить Олесю, оправдать её подлость. Ведь хватило же лиха и на её долю! Но при воспоминании, как сразу после пропажи мельника она сошлась с панычем и оговаривала его, хлопок лишь тяжело вздыхал. Больно уж усердно она помогала судьбине его голову в петлю засунуть. Но кто его знает, почему она так поступала?! Бог ей судья.

Ефимке было обидно и горько. Он изо всех сил старался не думать о плохом, да ведь мысли не собаки – их на цепь не посадишь!

И всё же после того как Ефимка изничтожил оборотня, судьба-злодейка, видать, испугалась да и поджала хвост. И наконец-то у отчаянного хлопца появилась самая желанная спутница – удача! И даже больше, чем удача!

Ну кто бы мог подумать, что после роковых событий у сущего бедняка вдруг появятся весьма небедные и влиятельные покровители?! По их запросу было произведено расследование, в результате которого выяснилось, что никаких прав на мельницу у Олеси нет! Мало того, так они ссудили Ефимке денег на покупку не только этой мельницы, но и всего имущества оборотня-мельника. И осталась его бывшая ни с чем.

В первое время Ефимка даже чувствовал некоторую вину перед Олесей за всё добро мельника, особенно когда изредка замечал её на улице. Но после всего произошедшего Олесья на людях старалась не показываться, а вскоре и вовсе исчезла из Берёзовки...

Такому повороту Ефимка был даже рад. Но всё же его часто брал интерес: что с ней и где она сейчас, как сложилась её жизнь? Несмотря на низость Олеси, ему было жаль её, и в глубине души он желал ей добра... Ну точно, как в заповеди: любите врагов ваших да благословляйте проклинающих вас.

Вот бы подивиться хоть на одного человека, который соблюдает эту заповедь! Нет, такого вряд ли встретишь в нашем мире! Возможно мы, люди, чего-то недопонимаем, но врагов своих уж точно любить не стоит!

Так уж вышло, что, став хозяином мельницы, Ефимка взял в жёны прекрасную девушку Гражину из другого уезда, и что самое необычное – паненку благородных кровей. Она была

из семьи обедневшего шляхтича, ради хлеба насущного трудившегося, как и все обычные крестьяне, поэтом и сама Гражина не чуралась любой работы ни на земле, ни в доме.

Около года назад она осталась полной сиротой, и опеку над ней взял местный пан Ружевиц, которого сын Зибор за последние полгода почти разорил.

Так Гражина появилась в Берёзовке.

На новом месте несколько раз столкнувшись с берёзовским предводителем зреющих юнцов, она была сильно поражена его некрестьянским благородством и отвагой. Конечно же, это был в то время первый на деревне бедокур и озорник Ефимка Асташов...

Как же стремительно летит время!

Казалось, ещё вчера коварная судьбина измывалась над бедняком Ефимкой, и вот у него уже есть своя мельница! Дом – полная чаша, скоро и батькой станет. Наконец-то призрачное счастье и его поцеловало! Тут бы жить да радоваться! Ан, нет! Смурной ходит хлопец в последнее время. Вместе с воспоминаниями лезут в голову и тревожные мысли, не дают в полную меру насладиться жизнью! Нутром чует Ефимка: быть беде!

На такие думы его натолкнула недавняя находка.

С неделю назад проезжая по дороге через Волчий мох, он, как это почти всегда бывает, остановился у могилы Михея. Постояв с минуту, хотел было уже ехать дальше, но вдруг потянуло его на место схватки с мельником-оборотнем.

Ефимка, наверное, уже с дюжину раз ходил по этому роковому месту.

Вот здесь в суматохе сбились в кучу телеги... Тут, у этого дерева, сложил голову пожилой крестьянин... Вот в этом месте Ефимка с ножом встал на пути у волколака... а вот под эту кустовую поросль он был отброшен.

Ефимка остановился у могучего дуба. Здесь располосованный оборотнем пал цыган Михей...

Вздыхнув, Ефимка хотел было уже уходить, как взгляд его зацепился за что-то блестящее в багульнике. Из-под дурманящей едким ароматом поросли и сухих листьев он вытянул... тот самый необыкновенный нож, которым убил оборотня.

Ефимка хорошо помнил слова старика: «После выполнения своей миссии этот нож исчезнет навсегда. Нет, не испарится, не улетит никуда – просто затеряется». Так и случилось: когда в суматохе грузили на телегу тело мельника-оборотня, на груди кроваво зияла лишь рана – ножа уже не было. Пропал. Внимания тогда на это никто, включая и Ефимку, не обратил.

И вот волколак давно уж убит, а он держал в руках красивый заговоренный нож! Глаза радовались, а разум трепетал в тревоге: так не должно быть! К чему бы это?

Сердце хлопца тревожно ныло, нутро холодом обдавалось, а догадка продолжала жечь сознание: Зло не погибло!

Глава 10

Через несколько дней после разговора с паном Сакульским Олеся поздним вечером тайно вышла из господского дома. С узелком в руках она осторожно прокралась к калитке и легонько надавила на ручку. Как и обещал пан Сакульский, калитка оказалась не заперта.

Олеся оглянулась. В свете полной луны она несколько мгновений с сожалением смотрела на приютивший её кров, а следом за сожалением в голове мелькнула и предательская мысль: «А может не стоит уходить?! Ещё не поздно вернуться!»

Беглянка решительно встряхнула головой. Нет! Уж лучше тихо самой уйти хоть с какими-то деньгами и надеждой, чем вылететь с громким скандалом и без ничего!

В ночном полумраке на безлюдной улице девушка тревожно огляделась – всё тихо и спокойно. Перекрестившись, она осторожно шагнула в сумрак и, как надеялась, в более счастливую жизнь...

Не видела сбежавшая служанка, как в одном из тёмных окон господского дома странно покачался фонарь. Сразу после этого из мрачного закоулка напротив вынырнула тёмная фигура и бесшумно последовала за одинокой прохожей.

Олеся быстро уходила. Ей с трудом верилось, что всё так ловко получилось. Всё так, как и задумывала: пан Сакульский поверил в свою причастность к зачатию, нашёл жильё и дал пятьдесят рублей на первое время.

«Да на эти деньги я год смогу прожить!» – подбадривала себя девушка и качала головой, вспоминая «тысячу рублей» и изумляясь своей наивной наглости. «Ну, – мысленно хорохорилась она, – губу не дуру иметь полезно! Проси побольше – получишь, конечно, поменьше, но это лучше, чем вообще ничего!»

Олеся раз за разом заглядывала в бумажку, на которой пан Сакульский подробно нарисовал план, куда ей нужно идти. Он также многое объяснил и рассказал ей на словах, поэтому теперь уже бывшая горничная уверенно шагала туда, где её ждали старенькие добрые хозяева комнатухи.

М-мда... Ждали-то её в другом месте и совсем не те, о ком так душевно поведал хозяин. И адреса, куда спешила красавица, в этом городе вообще не существовало...

Мужчина в годах едва успевал за девицей, спешно припустившей по пустынной улице. «Добре что Хлыща подрядил, – стараясь громко не сопеть, злился мужчина, – а то хрен догнал бы такую прыткую!»

Странный незнакомец только собрался было ускорить шаг и нагнать девушку, как далеко впереди показался конный патруль. Двое полицейских совершенно неожиданно вынырнули из темноты и неспешно ехали навстречу.

Мужчина тенью скользнул за угол ближайшего строения. Из укрытия глянув на девицу, ему вдруг показалось, что она тоже далеко не в восторге от встречи с полицией. Это было очень даже странным: в такой час и в таком месте любой добропорядочный человек был бы несказанно рад полицейскому патрулю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.